



журнал
Толкиновского Общества
Санкт-Петербурга

ПАЛАНТИР

декабрь 2004

№ 44

: i p̃t̃m̃r̃m̃ :

: i p̃m̃w̃ p̃t̃q̃j̃m̃ã x̃b̃p̃t̃ĩ l̃m̃r̃õb̃r̃õ :



Дэвид Даган. "Детский сборник" ТТТ.	3
Хельги Липецкий (О.О.Иванов). Образы эльфов в сказаниях о Первой Эпохе.	4
Д.О.Виноходов. Гоблины. Орки. (Авторская редакция статей для энциклопедии "Арды-на-Куличках").	16
Хельге Февскангер. Синдарин - благородное наречие. (переводчик неизвестен, под редакцией Маэлора Д.Ласа) окончание. . . .	33

На последней странице -
рисунок Моргул "Горлим Злосчастный"



Palantir®

ПАЛАНТИР

№ 44 декабрь 2004
журнал
Толкиновского общества
Санкт-Петербурга

Этот номер для вас делали: Дмитрий Виноходов, Золтан Бардинг, Маэлор Д. Лас, Моргул

Наш адрес: 197110 СПб, Б.Зеленина 15-33

E-mail: zoltan@tolkien.ru barding@mail.ru eondil@mail.ru

2:5030/1171.35@FidoNet

Наш сайт: tolkien.spb.ru

Зеркала сайта: tolkien.by.ru esgaroth.narod.ru

Copyright (c) 1997-2004, Толкиновское Общество СПб

Права на все опубликованные материалы сохраняются за авторами. Перепечатка любых публикаций и их частей без разрешения Толкиновского Общества запрещена. Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Издание журнала не преследует коммерческих целей.

Редакция благодарит автора использованных в издании шрифтов Tengwar Quenya и Tengwar Sindarin Дэниела Стивена Смита.





Дэвид Даган, МВЕ (английский толкинист)

Толкин Дж. Р. Р. Роверандом. Мистер Блисс. Письма Рождественского Деда. / Пер. с англ. - М.: ТТТ, 2003. - 362 с.

Едва открыв эту книгу, еще даже не прочтя ее, невольно хочется воскликнуть “какая прелесть!”. К сожалению, для толкинистов это слово скорее всего будет иметь отрицательную смысловую окраску, так что лучше сказать просто - это замечательная книга.

В нее вошли три произведения из толкиновского семейного архива: две сказки и серия писем, которые сочинил для своих детей “писатель XX века” Дж. Р. Р. Толкин. В них не поднимаются глубокие философские проблемы, отсутствует широта и размах произведений “серьезной” фантастической литературы. Это лишь забавные семейные шутки.

Сказки: “Роверандом” - о приключениях игрушечного песика, слетавшего на Луну и спустившегося в пучину Моря-окияна. “Мистер Блисс” немного скромнее - это рассказ о фантастических злоключениях английского чудака в высоком цилиндре, купившего автомобиль. “Письма Рождественского Деда” - иллюстрированные послания, из года в год в период с 1920 по 1942 гг. сочинявшиеся Толкином от имени Деда Мороза или Санта-Клауса, или, как его принято называть в Британии, “Father Christmas” - Рождественского Деда (а также от имени эльфов, снеговиков и неперменного участника всех этих историй - Северно-Полярного Медведя).

Замечательные истории, по-настоящему профессиональные переводы и исследовательские комментарии (в особенности предисловие к “Письмам Рождественского Деда”, без которого было бы намного сложнее понять традиции английского Рождества). Хотя, конечно, сами сказки и истории с точки зрения художественной ценности не выдерживают конкуренции с детскими произведениями Маршака или Чуковского, а имеют в основном семейное и отчасти биографическое значение. Но в первую очередь привлекает само великолепное издание книги.

В нее включены редкие семейные фотографии и, что представляет ничуть не меньший интерес, чем тексты, иллюстрации самого Толкина, а также воспроизведены замечательные факсимильные репродукции всех его оригинальных писем. Конечно, имя Толкина никогда не блистало и не будет блистать среди великих английских художников и даже самые доброжелательные критики скорее охарактеризовали бы его творчество как “наивное”. Но все же эти рисунки и истории отнюдь не безынтересны, а очень увлекательны и забавны (а именно в этом и состоял замысел автора) и нравятся детям. И привлекательности их в огромной мере способствует оформление книги - я бы сказал, что оно даже превосходит все английские оригиналы.

Общепринято в подобных рецензиях отмечать не только удаи, но и некоторые недостатки. Один из них - нигде не упоминается о том, что имя “Ровер” - распространенная английская собачья кличка, так чаще всего называют бродячих псов (аналог русского Бобика или Шарика), а в комплекте с “-рандом” это имя означает “бродящий на воле”. Кроме этого, у меня нет ни одного замечания.

Эта книга может стать отличным подарком для любого ребенка. И не забудьте, кстати, что поскольку это книга для маленьких детей, а дети далеко не всегда обращаются с книгами аккуратно, то, может быть, стоит купить еще один запасной экземпляр уже для самих родителей - они также смогут найти в ней для себя много интересного.





ОБРАЗЫ ЭЛЬФОВ В сказанных о Первой Эпохе Хельги Липецкий (О.О. Иванов)

Тема исследования Введение



Творчество Джона Рональда Руэла Толкина является во многом уникальным явлением в мировой литературе нового времени. В определенной мере относясь к «послевоенному» направлению, оно заметно выбивается из характерных для XX столетия литературных тенденций Европы: торжества реализма и – затем – постмодернизма, развития психологической прозы, пересмотра моральных и философских систем, сложившихся в прошлом, равно как и из сильно возросшей в объемах за последнее время группы жанров «коммерческой литературы» [3]. Ему чуждо освобождение искусства «от всего: религии, идеологии, политики, морали, сюжета, формы, норм правописания и в конце концов – от эстетики, а заодно и от публики» [8]. Уникальна прежде всего манера Толкина, стиль «волшебной истории», органично соединивший в себе жанровые особенности романтической эпопеи, английской народной сказки и адаптированных к современности преданий северной мифологии [5]. Удивительна также и философская позиция, заявляемая автором в своих произведениях: на фоне циничного отношения к миру и презрения к исторической традиции культуры, характерных для литературы первой половины столетия, и последующего расцвета технократической мысли, – книги Толкина поражают глубинным оптимизмом и тягой к естественному порядку вещей. Надежда на Счастливую Развязку сквозит из каждой страницы романа «Властелин Колец», хотя он и повествует о воображаемом веке более мрачном, чем даже время его написания: Вторая Мировая война. Герои эпопеи демонстрируют мужество и смирение, доблесть и стойкость, сострадание и верность долгу, в известной мере они воплощают нравственный идеал писателя; но перед лицом неотвратимой угрозы наступления Тьмы – Конца Истории – их сил недостаточно. Мир свободных народов ждут «смерть и окончательное поражение», и спасает его лишь чудо, за которым можно угадать отражение, отблеск далекого света грядущего, величайшего Чуда человеческой истории – чуда Благой Вести. Причем спасение приносят не могущество и техника, «машины, кольца и башни», а дела малых, в меру сил следующих правильному пути и исполняющих то, что должно.

Хотя писатель не был противником технологического прогресса как такового, он считал, что современная цивилизация «изуродовала правильный облик мира». В числе главных противников света и истины во «Властелине Колец» можно назвать технократию, ложную





философию чистого материализма, стремление получить средства для достижения цели путем насилия над чужой или собственной природой, забвение древней памяти народа и мира, хранимой зеленой землей, попытки властвовать над чужой волей, пренебрежение малыми силами и существами, также входящими в общую гармонию, или высшими законами морали, стоящими над человеческим сознанием [6].

Феномену Толкина посвящено огромное число научных работ, особенно на Западе. Его творчество столь многогранно, что освещение даже какой-то одной проблемы требует длительного исследования, а многие аспекты толкиновского наследия еще почти не изучены. Поэтому наивно было бы стараться проанализировать закономерности, касающиеся всего массива произведений автора; в данной работе сделана попытка наметить пути к осмыслению и анализу одного из наиболее интригующих элементов мифологии Толкина: народа эльфов. Конечно, «не мудр тот, кто пытается расчленять целое на части, чтобы познать природу целого», особенно если создатель целого придерживался такого мнения. Поэтому особенное внимание в дальнейшем следует уделить не отдельным признакам, свойствам и литературным предпосылкам толкиновских эльфов, но их существованию в совокупности.

Для более глубокого понимания проблемы необходимо изложить некоторые сведения, касающиеся истории жизни и творчества писателя.

Кратко об истории жизни и творчества Дж.Р.Р. Толкина

Будущий профессор английского языка и литературы Оксфордского университета, обладатель почетного титула Командора Британской империи, известный на весь мир писатель Джон Рональд Руэл Толкин родился 3 января 1892 года в Блумфонтейне, Южная Африка. В четыре года он потерял отца, и мать переехала в Бирмингем, где и воспитывала Рональда с его младшим братом, Хилари. Мейбл Толкин считала, что дети должны расти поближе к реке, лесу и холмам, и в будущем природа Англии всегда занимала особое место в мировоззрении и творчестве писателя. Уже тогда начал формироваться интерес юного Рональда Толкина к языкознанию: мать учила его латыни, французскому, немецкому, рисованию и каллиграфии. Обращение в католичество в 1900 году лишило Мейбл поддержки семьи, а в 1904 году она умерла от диабета, и после этого братья воспитывались католическим священником – отцом Морганом. Оба мальчика выросли глубоко верующими католиками, что имело огромное значение для формирования их личности.

К 1913 году Рональд Толкин изучил староанглийский, древненорвежский и готский; он начал создание своих первых искусственных языков, изучение сравнительной филологии и писал много стихов. Постепенно языкотворчество стало его страстью, а сконструированные им впоследствии языки народов Арды являются выдающимся достижением развитой филологии и предметом многочисленных исследований. Со второй попытки он поступил в Оксфордский университет. К 1908-1914 годам относятся начало его любви к Эдит Бретт и последующая женитьба; переживания той поры легли в основу истории о Берене и Лутиэн. В 1914 году появляется замысел большой аллитерационной баллады об Эаренделе, основанной на строчке из поэмы Кюневульфа «Христос»: «Сияющий Эарендел, светлейший из ангелов, был послан к людям в Срединный Мир»; ему не суждено было осуществиться, но именно с этого момента разрозненные фантазии о «волшебных существах» начинают складываться в будущее





величественное здание эльфийских преданий об Арде. Юный Рональд и некоторые его друзья вынашивали план создания «мифологии для Англии», которая – увы! – обделена преданиями по сравнению с другими европейскими странами (кроме того, будущий писатель желал создать историю и носителей для придуманных им языков). Но Первую Мировую войну пережил лишь один из них – Рональд Толкин.

Пройдя ужасную битву на Сомме, Толкин написал первое прозаическое предание, «Падение Гондолина», сюжетно связанное с задуманным им «Лэ об Эаренделе». Демобилизованный с фронта, он продолжил работу над «Книгой Утраченных Сказаний». Она содержала рассказы о древней истории эльфов, записанные Эриолом, датским мореходом, гостившим в Аваллонэ на Одиноким Острове. Книга так и не была закончена; язык этих преданий еще слишком походил на стилизацию древней реальной мифологии, весьма одобренной примитивностью народных сказок.

Предания об эльфах надолго были заброшены, когда Дж.Р.Р.Толкин посвятил главные свои усилия научной деятельности; обеспечив же хорошие условия жизни семье, он вернулся к ней, с сильно изменившимися замыслами. Время «детства мифологии» прошло. Были написаны «Эссе о Волшебных Сказках» и «Беовульф: Чудовища и Критики», в которых Толкин явственно выразил свое отношение к литературе современности. Он считал необходимым возвращение к ее началу, поскольку со времен Шекспира она часто шла неверным путем; древний миф, синкретическое видение мира были забыты, воображение – основа свободы человека – подвергнуто гонениям. Толкин видел себя наследником автора «Беовульфа», полагая возможным возвращение к истинной простоте восприятия действительности, объединению символа с реальностью, – а также отраженному в этом эпическом памятнике слиянию языческих форм и ценностей с христианством (при внутреннем преобладании последнего). Причем его письма и рассуждения о таких вопросах, как интересы людей в мире или отношения полов, не позволяют видеть в нем простака, не понимающего истинной сложности мироздания. Возвращение к мифу не должно было конфликтовать с развитием культуры человека.

К 1939 году были созданы две версии «Повести о Сильмариллях», рассказывающей о создании мира и его Первой Эпохе, о борьбе Детей Илуватара – Эльфов и Людей – с Морготом, в образе которого легко угадывается Сатана. Исход этой безнадежной войны разрешался плаванием человека-эльфа Эарендила в Валинор, страну ангелоподобных Владык Мира на Западе, ниспровержением Моргота и полным разрушением Великих Земель, в которых происходило предшествовавшее действие. Эльфы уходили в Валинор, а слабые и малочисленные народы людей делали лишь первые шаги собственной долгой истории в Среднеземье. Они прошли «инициацию» и сохраняли (но со временем теряли) крупницы света и истинного знания, полученные от эльфов, сердца же их были отравлены ложью Моргота. От эсхатологической по своему характеру Войны Гнева до грядущей Битвы Битв в конце времен лежали безвестные страницы тысячелетий, и лишь несколькими штрихами во тьме грядущего была намечена история Атлантиды – самого начала развития человеческого мира. Первая Эпоха, как и любая мифология, содержала в себе (пускай пока и не окончательное, лишь пролог к запредельному будущему) разрешение своего главного, внепричинного (вселенского) конфликта. Фактология «Книги Утраченных Сказаний» в общем и целом была сохранена, хотя значительно расширилась и углубилась; но повествование обрело новые черты: суровость и трагичность, характерные для изложения близких событий. Это и неудивительно – действие «Книги Утраченных Сказаний» происходило (хотя персонажи почти ничего не знали об этом) уже во времена после Воскресения Христа, чудовищно далекого будущего для участников Войны Гнева. Необычной чертой мифологии, унаследованной еще от начального этапа ее развития, навсегда стала неантропоцентричность; в центре Истории стоят эльфы, люди же – периферийная сила, союзники или предатели Старших Детей Илуватара, еще не достигли самого начала своего становления.





Одной из причин этого является критическое отношение автора к падшему человеческому роду; создавая не стилизацию древних легенд, а нечто, важное для современности, он не мог не вложить это свое представление в ткань повести.

Тогда же, благодаря счастливому совпадению обстоятельств, была опубликована сказка «Хоббит, или Туда и Обратно». Построенная по классическим законам сказки-путешествия (лишь в самом конце повествования, в рассказе о Битве Пяти Воинств, появляется эпический элемент), она относится уже к современной прозе, хотя и архаизованной, и имеет многочисленные аналоги в европейской литературе. В ее действии присутствуют (но не оказывают влияния на сюжет) отсылки к «Квэнта Сильмариллион»: падение Гондолина, драматическая кульминация войны Высоких эльфов с Морготом, становится в «Хоббите» далеким, полузабытым именем из канувшей в Лету древней истории.

Книга, не претендовавшая еще на «серьезность», была благодушно встречена критикой. Коммерческий успех давал Толкину надежду на публикацию «Сильмариллиона», но читатели (и издатели) настойчиво требовали продолжения. Однако новой «сказки о хоббитах» не получилось. То произведение, что было опубликовано после 17 лет напряженной работы, мало напоминало веселый рассказ о путешествии Бильбо Бэггинса: это была романтическая эпопея «Властелин Колец». Здесь нашли свое место и высокая героика древности, и простодушность «хоббитов» – жителей английской глубинки, и сложное психологическое развитие главного героя: Фродо Бэггинса [5]. В тексте, повествующем о великой Войне Кольца, в которой завершилась «Третья Эпоха», и закончилось существование древних сил в «Среднеземье», исследователи насчитали около шестисот упоминаний о прошлом описываемого фантастического мира [10]. Долгое время считалось, будто это лишь удачный стилистический прием, найденный автором; но прошлым для Среднеземья «Властелина Колец» была история Первой Эпохи, Война за Сильмарилли. А также эпох Второй и Третьей: в процессе написания эпопеи автор продолжил сюжетные линии «Квэнта Сильмариллион» (ранее полностью завершавшиеся с разрушением Великих Земель). История продолжалась в будущее, на шесть с половиной тысячелетий, отделяющих Войну Гнева от Войны Кольца (между прочим, по шкале «воображаемого времени») действие «Властелина Колец» происходит приблизительно за четыре тысячи лет до Рождества Христова; начало Четвертой Эпохи отражает превращение Мифа в Историю).

Книга приобрела огромную популярность среди самых разных читателей, но вызвала неоднозначную реакцию критики. Толкиновская этическая концепция возвращения к отвергнутой истине, и творческая – возвращения к корням европейской литературы, к мифу, – была встречена в штыки тогдашними литературными кругами. Критиковали эпопею и за чрезмерную резкость в разделении Добра и Зла, никак не восходящую к сформированной в новое время традиции, и в допущении совершения насилия «добрыми» персонажами, и в «детской инфантильности» [3]. Но то уже дела минувших дней...

На последнем этапе своего творчества Дж.Р.Р.Толкин вернулся к «Повести о Сильмариллях»; однако теперь его внимание рассеивалось на историю Нумэнора и Линдона, Арнора и Гондора, Эрегиона и Харада, Рованиона и Эриадора. Его заинтересовали теоретические и исторические аспекты воображаемого прошлого нашего мира, привнесенные из «Властелина Колец», а мифологичность со временем отступила на второй план. В этот период появились «Законы и обычаи эльдар», «Спор Валар», «Заметки о мотивах Сильмариллиона», «Орки», «Мэлькор Моргот», «Аман», «Статут Финвэ и Мириэль». Наконец, Толкин решил радикально изменить космогонию Арды, сделав ее более «реалистичной»; это означало бы полное разрушение всей существующей мифологии, и его попытка закономерно не увенчалась успехом. Творчество писателя было прервано смертью 2 сентября 1973 года, но он завещал привести к законченному виду и издать «Сильмариллион» одному из своих сыновей, Кристоферу Руэлу. Редакторская





работа последнего заняла несколько лет.

Публикация книги вызвала фурор. Но, верный своему филологическому образованию, Кристофер Толкин не мог оставить работу отца в подобном виде. Со временем он систематизировал, откомментировал и опубликовал обширные черновики автора «Властелина Колец» в книге «Неоконченные предания Нумэнора и Среднеземья», двенадцатитомной серии «История Среднеземья» и ряде толкиновских журналов (как «Виньяр Тэнгвар»). Также очень ценным источником сведений о творчестве и мотивах автора являются «Письма Дж.Р.Р.Толкина», изданные его биографом Хамфри Карпентером. Таким образом, перед исследователем не отдельные литературные произведения, а огромная масса разнородных поэтических и прозаических преданий, часто незаконченных, ярких и противоречащих друг другу, сюжетное полотно которых охватывает огромное пространство эпического места и времени. Не менее важно изучение не относящихся внешне к «мифологии» произведений: это «Имрам», «Фермер Джайлз из Хэма», «Баллада об Аотру и Итрун», «Кузнец из Большого Вуттона» и другие.

Внутреннее содержание творчества Дж.Р.Р. Толкина

По всей видимости, Дж.Р.Р.Толкин не разделял тех эсхатологических ожиданий, что заметно выросли в XX веке даже среди христиан: из его писем мы можем видеть, что он не воспринимал историю человечества как уже подошедшую к своему концу. Однако это не отменяло его неудовлетворенности многими событиями и настроениями нынешнего мира. Убедленного католика не могла не удручать дехристианизация Европы; подлинный гуманист скорбел о «развращении людей тиранами»; выросший среди рек и холмов романтик навсегда сохранил неприязнь к Машине, которой люди коверкают природу ради своих прихотей; патриот древней Англии ужасался буржуазному веку и разнузданности политиков. Последнее имело большое значение и для его профессиональных интересов: Толкин являлся ярким сторонником гуманизации мифа, его отделения от фашизма.

Однако все эти приметы, взятые вместе, несомненно повлияли на его творчество, сделав трагическим восприятие нашей эпохи. В этом мироощущении книг писателя может быть уподоблено настроению произведений Г.К.Честертона и К.С.Льюиса. Вся мифология Толкина пронизана ощущением вечной неотступающей угрозы, история Аталантэ повествует о неизбежности Падения человеческого рода. Изучение «Заметок о мотивах Сильмариллиона» показывает поразительное сходство между целями и образом действий Саурана и Антихриста, каким его представляет традиция XX века, идущая от работ В.С.Соловьева. Рассказ «Утраченный Путь» показывает мир Саурана, – и мы можем поразиться тому, как он похож на наш. Память людей об их прошлом, в котором они были ближе к свету и истине, сохранившаяся в сказках и преданиях – один из врагов Саурана; Арагорн «воскрешает связь времен»; мы видим, что в эпопею разрешаются и конфликты современности. Властелин Колец также объединяет в себе все проявления «зла века сего» в представлении Толкина, о которых подробно говорилось выше. А в «Сильмариллионе» к этой тревоге добавились присущая мифологии абсолютизация конфликта и предположение о жестокости доветхозаветного мира – и временами мир Первой Эпохи кажется дуалистическим.

Вообще, христианская направленность толкиновской мифологии временами ставится под сомнение, особенно в России. В самом деле, весь набор имен собственных создан автором самостоятельно; прямые аллюзии на христианские понятия и явления отсутствуют, как и





деятельность Церкви. Конечно, это не удивительно с учетом времени воображаемого действия, но многочисленные языческие по происхождению термины и понятия вызывают впечатление сугубого язычества мифологии. Практически невозможно без специального исследования (наподобие [4]) установить сходство «метафизики Арды» с догматами христианства; и во всех посвященных Арде текстах найдено лишь два упоминания о приходе Христа (в «Сокрытии Валинора» из «Книги Утраченных Сказаний» и «Атрабэт Финрод ах Андрэт»). Тем не менее, глубокое изучение способно установить, что толкиновская мифология значительно отличается от традиционных языческих легенд [9], и эти отличия показывают христианский характер обработки (что и неудивительно, ведь автор оценивал свой сюжет с позиции собственных убеждений). Прежде всего, разрушено циклическое восприятие времени: хотя «Эпохи» могут быть приняты за некие «циклы развития», это – лишь этапы истории эльфов. Мир развивается (в целом) по нисходящей, и лишь направленные на добро сознательные усилия разумных существ способны временно приуменьшить Тень грядущего конца, нависшую над ним. При этом Арда все же является домом, это изначально уютный, человеческий мир («дом Детей Илуватара»), тогда как вселенная реальных легенд – опаснейшие пространства неведомого, враждебные человеку. Северный герой, почитающий для себя высшей ценностью собственные подвиги и величие, следование требованию *действия*, терпит поражение: таковы Турин Турамбар и Боромир, фзанариони и Фзанор, Ар-Фаразон и нолдор-изгнанники в целом. Очень часто от толкиновских героев требуется смирение, *отказ от действия*, отказ от собственной славы; законы благоразумия (одна из четырех величайших добродетелей в христианстве) преобладают над законами славы и доблести – герой, подобный Беовульфу, обречен [7]. Почему – автор говорит устами Фарамира: «я достаточно мудр, чтобы знать: есть опасности, бежать от которых человек должен». Именно смирение и следование высшему долгу полного отказа от самих себя дает победу Эарендилю и Фродо. Законный, следующий Правде в интерпретации автора Король несет на себе высшую ответственность, которая неведома Беовульфу. Жестко осуждается Дэнетор, отдавшийся во власть «языческого» (единственное употребление слова *heathen* во «Властелине Колец») отчаяния. Важно также, что все события мифологии раскрываются в будущем: даже первоначальная «рамка» Первой Эпохи (Война Гнева) лишь подобие завершенности мифа: будущее неведомо, но все-таки события продолжают. Сильному изменению подверглась концепцию языческих божеств: у Валар есть Творец, который один лишь заслуживает поклонения.

Дж.Р.Р.Толкин проводил четкое различие между применимостью и аллегоричностью искусства, считая вторую низшей формой. Он крайне боялся, что в его творчестве могут увидеть *народию на Евангелие*, и потому стремился избежать всяких прямых упоминаний о его сюжете. Он полагал, что всякая Счастливая Развязка волшебной истории есть отсвет, символ Воскресения Спасителя, и потому не нуждается в прямой отсылке к событиям Священной истории – более того, подобная отсылка вредна, связывая высший смысл с подобием [1]. Попытки найти во «Властелине Колец» аллегорию политической ситуации в мире также удручали автора, и он резко отзывался о них в своих письмах. Кроме того, нельзя забывать ни о доветхозаветном времени действия, ни о выбранной мифологической форме; да и современникам писателя проще было воспринять его идеи в виде опыта, нежели в облики религиозных истин. Поэтому «христианство лежит близко к поверхности повествования, но не прорывает его».

Однако это означает смещение внутренней иерархии в мифе. Христианские ценности автора становятся важнее воспринятых законов «северного мужества», но в картине мира приходится освобождать место для объединения обеих систем. Так все «христианские» понятия занимают господствующее положение по сравнению с «языческими»: закон Рока высок, но Милосердие выше, смирение выше доблести, правда выше клятвы, долг недеяния выше долга





деяния. Ценностная система усложняется, когда в нее «контрабандой» протаскивается дополнительный уровень. Но такое же изменение происходит и в устройстве мира, символизирующем его законы: возрастает значение и власть говорящих деревьев и животных, людей, эльфов, ангелов... Лишь Бог остается неизменным, будучи абсолютной точкой отсчета; но сущности Арды могущественнее земных, и потому кажутся ближе к Нему по своей силе. Вместе с «псевдодуальностью» мифологии, вечной близостью Последней Битвы, это делает все происходящее в Арде намного важнее, чем в земных категориях истории.

"Эльфийскость", как литературный манифест писателя



Этому в полной мере соответствует возвращение Толкина к дошекспировскому взгляду на эльфа как на грозное и прекрасное существо, подобное человеку, но метафизически находящееся выше него. Эльфы «Сильмариллиона» (эльдар) подобны альвам «Старшей Эдды»: они говорят с людьми и пируют с асами, представляя, таким образом, более сильную форму человека, посередине между ним и богами. Согласно толкиновскому космогоническому мифу, «Айнулиндалэ», эльфы получают, познают и создадут больше красоты, чем другие творения, а души людей даже за гранью мира будут искать и не находить покоя, но стремиться в бесконечность; а их дела в познании и трудах будут завершены, и мир будет принадлежать последним и младшим. С людьми все достаточно прозрачно; эльфы же получают здесь похожими на бета-версию, дающую лучшие результаты, но менее способную к развитию. Мы, однако, говорим сейчас не об их внутренней природе, потому что (как писал Толкин в письме к Майклу Страйту, [2] №181) «эльфы и люди есть разные аспекты человеческого». Особенно важно их отношение к Смерти. Эльфы «бессмертны». Они живут в вечно юных телах до конца мира, если только не будут убиты или не устанут от жизни, а погибнув могут воплотиться вновь. Эльфы воплощают художественные, эстетические и чисто научные стороны людей, более яркие, нежели мы наблюдаем в действительности. Они чувствуют гармонию сотворенного и видят Незримый мир, а потому любят все окружающее и желают понимать его как нечто иное, нежели они: равноправную реальность, приходящую от Бога. Они не стремятся к использованию материи для достижения власти или как собственности.

Таким образом, основой существования эльдар является Искусство. Они сильны, гармоничны, умны, не подвержены болезням и бессмертны. Как народ они являются «непадшими» – все это позволяет им совершенствовать Арду и самих себя: в вечном познании ее красоты и вечном со-творчестве, постоянно приводя ее к большему совершенству в своем соучастии благому замыслу мира. Понятно, однако, что такое бессмертие – тяжелая ноша для живого существа, даже если сердце его сохраняет юность, ведь в мире существуют злоба и разрушение, его гармония нарушена – а эльфы лишены «отдыха», успокоения (кроме как в Валиноре). Кроме того, принадлежность Арде телом и душой делает их судьбу в некотором роде предопределенной: они неспособны выйти за пределы ее идей в общем Творении. Потому они постепенно устают от происходящих изменений, большинство из которых эльфы не успевают интегрировать в свое видение мира. Так, со временем они теряют волю к переменам и начинают тосковать по прошлому, желая распространить и продлить его; этим объясняется их «истаивание».

В истории Арды эльфы становятся первым эшелоном Детей Илуватара; их сила и творческая активность помогают выжить в мире, где еще не закончилось строительство Дома, и





выстоять в противоборстве с Морготом и его демонами, слишком могучими врагами для людей. На это уходит большая часть энергии эльфийского народа, так что вся последующая история превращается для них в попытку остановить время, удержать прекрасную действительность прошлого от изменения и разрушения. Для людей же (по крайней мере, для врагов Моргота в войнах Первой Эпохи и их потомков) они в это время являются живыми религиозными и нравственными ориентирами. Чудесный дар эльфийских сказителей: их рассказы и песни воспринимаются людьми как подлинная реальность. Впрочем, угасание «неразрушимых» эльфийских ресурсов неизбежно в мире, где все подвержено тлению и увяданию – раньше или позже.

Из вышеизложенного хорошо видно, что эльдар в своей сущности выражают важный для Толкина принцип: они – хранители древнего света и знания, творцы и защитники красоты, свободные от жадности и тирании человека, их радость – в создании чистой красоты. Эльдар пребывают в согласии с природой, выступают как носители исторической памяти; чувство гармонии позволяет им видеть единство символа и обозначаемого им смысла, объединяя оба понимания: «дракон – это просто животное» и «дракон – это просто аллегория» – вместе. Именно эльфы могли бы направить современное человечество (и литературу) по истинному пути, с которого мы неосмотрительно сошли – так воспринимал их писатель. И именно задачу эльфа он пытался (быть может, неосознанно) выполнить в своем творчестве – создать Вторичный Мир, не менее реальный внутренне, чем существующий*. Однако еще более важные результаты можно получить путем анализа собственных падений эльфов.

Достоинство эльфов и проникающее из них Падение

Как было показано, эльфы Толкина, стоящие в центре истории и подобные человеку, похожи на «человеческий идеал». Эльдар в героической борьбе спасают большую часть Среднеземья от разрушения Морготом; они дают возможность людям сражаться рядом с ними и стряхнуть рабство Врагу; они превращают пустынные пространства мира в окультуренные, они защищают людей и наделяют их первыми элементами культуры. Первые свободные человеческие народы – эдайн – появляются из родов Друзей Эльфов под властью королей эльдар. Эльфы – тот образец, на который мы должны ориентироваться, не забывая о физической невозможности следовать их путем. Они подобны вечноживущему символу, как Финголфин, «идеальный король» [11], бившийся с Морготом в поединке, чья слава увековечена звездами, и Финрод, погибший ради спасения человека и реально возрожденный в Валиноре. После создания «Властелина Колец» эльфы уже не покидают людей в конце Первой Эпохи, дав им то, что могут – но делают все возможное, чтобы «оставить добрую почву для будущего; а будет ее поливать теплый дождь или сечь жестокий град – дело тех, кто придет следом». Их задача – облагородить человеческий род. Но сама сугубая человечность эльфов появляется не сразу. В «Книге Утраченных Сказаний» мало говорится о сущности героев легенд, но больше об их деяниях – потому все персонажи, от говорящих животных до Валар включительно, похожи на людей. Что поделать – все, что человек может понять или воспринять, он представляет антропоморфно. Но развитие «историчности» легенд открыло новую истину: из всех «волшебных существ» эльдар действительно ближе всего стоят к людям, повторяя многие их качества.

Разбирая их культуру, мы можем видеть, как близки они к старым патриархальным





обществам, облагороженным высокой этичностью естественного поведения. Родовое право и цеховая организация объединяются у них с развитием индивидуального творчества, соперничество родов почти никогда не выходит за пределы «дружеского соревнования» [12]. Все известные нам примеры государственного устройства эльфов (всеобщая вассальная лестница при наличии многих королей и одного Верховного Короля – у нолдор-изгнанников – или «народная республика», во главе которой стоит всеми уважаемый правитель, эволюционировавшая из «объединения семей/родов» – у фалатрим) близки к идеалу и едва ли осуществимы на практике, хотя бы из-за человеческой смертности. Эльдар неведомы словесные хитросплетения лжи и развенчание формальностей: для существ, читающих мысли и видящих форму и содержание в единстве, смысл слов всегда непосредственно в том, что они означают. Впрочем, именно это дало Морготу возможность обмануть многих нолдор в Валиноре. Кроме того, долгое время мораль эльфов основана на естественном чувстве гармонии и истины – они *сами* моральны. Но, будучи «непадшим» народом, эльдар все же не застрахованы от совершения зла – это объясняется простым фактом: «никакая история о людях не может обойтись без их Падения». Если эльфы будут безгрешны – они не смогут сыграть роль фантазии на тему людей. Потому эльфы подвержены ошибкам, в том числе и трагическим, как Резня в Алквалондэ или Предательство в Арамане. Естественный гуманизм эльфов сочетается с их чутким ощущением права. Поначалу они не представляют себе прощения и живут даже не по ветхозаветной заповеди ограниченной мести, а по закону полного противопоставления: дружественный мир или тотальная война; эта склонность ослабевает впоследствии, но поддерживать контакты с теми, кто раз предал их, эльфам все равно очень сложно – они предпочитают изолироваться от тех, кто враждовал с ними.

Характерной чертой эльфов является *эстэль*, надежда, или, точнее – вера. Это не надежда на конечные обстоятельства, которые могут сложиться более удачно; это вера в окончательное торжество добра, Абсолютного Добра, которое не может быть выражено даже языком эльфов. Хотя эльдар ожидают для себя неизбежной полной гибели души и тела в конце времен, они надеются на неведомое им, непостижимое чудо. Вера в Бога и Надежда на Него – это эстэль. «И эта надежда не может быть поколеблена никакими событиями в мире, поскольку она – порождение не нашего опыта, но нашей природы»; «даже во Тьме Моргота во дни гибели Древ мы не теряли этой надежды». Эстэль несовместима с отчаянием, которое, согласно вероучению христиан, есть утрата и отказ от веры в Бога.

Описанные изменения в мироощущении эльдар были вызваны, разумеется, познанием добра и зла, Справедливости и Милосердия на собственном опыте. Когда Моргот убивает короля нолдор Финвэ и похищает Сильмарилли, нолдор, следуя естественному закону и праву, начинают свою первую войну, ища отмщения^{***}. Они не обращают внимания на предупреждение высших сил («Ты говоришь: "Он – Вала!"». Но тогда напрасна клятва твоя, ибо нигде в чертогах Эа не одолеть тебе никого из Валар, даже если бы Эру, имя которого ты помянул, сделал тебя втрое сильнее...»), а Фэанор дает клятву *перед лицом Создателя и призывая в свидетели величайших представителей Его власти в сотворенном мире, Короля и Королеву Валар, и "священную вершину Таниквэтиль, что будет стоять до конца мира"* – тем самым ставя свою месть в разряд высочайших ценностей. В результате, столкнувшись с препятствиями на своем пути, он вначале пренебрегает чужими правами, волей и жизнью (Резня в Алквалондэ), а затем даже чужой судьбой (Предательство в Арамане). Действуя из благих побуждений (борьба с мировым злом) и по несомненному праву справедливой мести, нолдор опираются на внутреннее ощущение, отвергая долг перед другими сущностями мира. Ушедшие за Фэанором в Среднеземье проходят через кровь, огонь, предательство, лед и смерть. Они находятся под Проклятием, утратив единство с высшими силами бытия; не имея их поддержки, они обречены в борьбе против Врага. Лишившийся благодати разум нолдор-изгнанников разъедается ложью, страхом, гордостью и превозношением; на их сердцах лежит Тень, подобная Тени на сердцах людей. Ориентируясь на свое естественное чувство, эльфы не могут избавиться от собственного же греха. Раньше мы говорили о положительных качествах эльфов, которых (по мнению автора) не хватает его современникам, – люди могут понять их правильность и оценить свои недостатки. Нетрудно заметить, что теперь, когда речь идет о совершенном эльфами зле, происходит разоблачение имманентно присущих человеку Модерна качеств, которые слишком часто могут приводить его к личному падению. Лишь примером злых последствий склонности к моральному





антропоцентризму и показом пути их преодоления существами, идеальными во всех других отношениях, Толкин мог надеяться убедить читателей в ошибочности пути, по которому немало успело пройти человечество. Как же нолдор избавляются от Проклятия?

Итак, опора на собственные доблесть и жертвенность не приносит нолдор победы. Все королевства Бэлерианда обращаются в руины, жертва, принесенная эльфами, огромна – но Моргот достигает триумфа. Величайшая из побед – обретение Сильмарилля – осуществлена Береном, человеком, и Лутиэн, принцессой Серых Эльфов. Постепенно эльдар осознают свою ошибку, заключавшуюся в исходе из Амана. У них формируется «религия», основанная на эстэль и желании вернуть прежние, прекрасные времена. Попытки Тургона вымолить прощение и помощь Валар безуспешны – посланные корабли не достигли Запада. Лишь потеряв все, эльфы наконец спасаются от ненависти Моргота – после плавания Эарендила. Последний отказывается от всего, что имеет, и ничего не требует; они лишь отдает Валар Сильмариль Фэанор, раскаивается в деяниях и гордости нолдор и просит прощения и жалости к эльфам и людям, – а затем принимает на себя миссию носителя Звезды Надежды. Тогда Валинор приходит на помощь Среднеземью, причем эльфы этой страны, ранее не следовавшие за Фэанором, идут сражаться в войске Валар. Раскаяние и возвращение к прежнему, правильному ходу вещей, принятие власти высших сил, – приносят нолдор спасение. Казалось бы, эльдар избавились от своих недостатков, пройдя через падение, гибель и исцеление – и стали действительно совершенным народом после Войны Гнева. Но еще одно зло толкиновского мира, Машину, мы еще не рассмотрели в связи с их историей, а ведь это – главное и самое важное из зол Арды.

Последнее падение эльфов и исчезновение их народа

Казалось бы, что может быть общего между Машинной – насилием над природой и чужой свободной волей – и эльфийским искусством? Это полные противоположности, и, верно, именно высшая гуманистическая свобода наиболее ненавистна Морготу (и позже Саурону) в эльдар. Из-за нее первый стремился поработить эльфов, а второй – уничтожить. Именно Машине противопоставлены главные, «хорошие» черты эльфийского аспекта человечности. И все же, пускай невольно, эльфы приняли участие в создании одной из таких Машин – Колец Власти.

Причина в желании эльдар задержать уходящий век блаженства. Теряя свою силу, они начинают противиться не только разрушению, но и вообще любому изменению того, что итак дорого их сердцу. Но их творческая энергия не может, даже полностью используя для такого «балзамирования», удержать ход времен – ведь творчество всегда есть изменение. Наибольшими мастерами и умельцами среди нолдор Второй Эпохи были кузнецы Эрегиона и их глава Кэлебримбор. *Из любви к Среднеземью и желания превратить его в прекрасный край, блаженство обитателей которого не уступит радости жителей Валинора*, они решились на великий план – создать Кольца, в которых высшие достижения их искусства, объединившись с естественной мощью ангелов, смогут остановить разрушение и увядание мира, исцелить его раны и сделать вечно прекрасным. В садах Среднеземья смогли бы они потом всегда творить вещи новые и удивительные, и никогда более не уставали бы сердца живущих в этих землях.

Лишь двух вещей не поняли умельцы-нолдор, берясь за свой великолепный труд. Это деяние – отказ от веры в свои силы, в то, что Создатель не обяжет Своих Детей выполнить невыполнимое, в то, что силы, без которых не свершить необходимого, он всегда даст верующим в него. Искусство – главное в жизни эльфов, их предварительное предназначение – они сочли слишком сложным для себя. Использование же чужой силы, не присущей собственному естеству – магия. Так эльфы пали в создание Машины, ведь для Арды Машина и магия по сути своей – одно и то же (из письма М.Уолдмену [2]). Вторая же ошибка следует из первой, так же как «бомбы и пулеметы» являются, по мнению Толкина, «естественной и необходимой их [заводов





и фабрик] продукцией» [1]. Желая превратить все Среднеземье в рай земной, кузнецы Эрегиона тем самым стремились – без всякого злого умысла – навязать свою волю всем его обитателям. Ведь хранителями Колец Власти (власти над разрушением, распадом, власти благой!) стали бы эльфы, способные (благодаря своему могуществу) справиться с их силой и (чувствуя гармонию Музыки Творения, владея Искусством и пониманием сути вещей и единства знака и обозначаемого) использовать ее правильно. Да, больше некому было бы в Среднеземье принять на себя труд обеспечения его новой светлой чистоты, эльдар были самыми достойными – но то, что требовалось от них по этому замыслу, было выше их Права.

«Эльфийский тоталитаризм» в книгах Толкина – не более чем выдумка, ибо бескомпромиссность эльдар в вопросах бытия обычно связана с тем, что они просто *знают* истинное положение вещей. Но быть судьями всему миру они все же не могли. А потому Кольца Власти неизбежно стали орудием Власти насильственной.

Последствия известны. В ужасной Эрегионской Войне Эриадор был опустошен, а Кэлебримбор погиб; Саурон добился власти над большей частью Среднеземья. Почти все люди встали на его сторону или иначе склонились ко злу. Эльфы даже не могли использовать свои Три Кольца, пока он владел Единственным, а все их естественные силы уходили на сохранение тайны Трех Колец и сдерживание мощи Врага. Ненадолго в Третью Эпоху они получили возможность приложить силу Колец к сохранению красоты уцелевших островков своих стран, но все равно не решались – да и не могли – воспользоваться всей их магической силой. Ради уничтожения дела своих рук – власти Саурона – эльдар отдали все, даже саму возможность существовать в Среднеземье, ради которой начинался величайший из трудов Кэлебримбора. Победа над Властелином Колец означала их неизбежный уход в последнее прибежище изначального Света – в Валинор, удаленный за Круги Мира.

Итак, хотя урок Первой Эпохи заключался в бессмысленности опоры на свои силы, Вторая дополнила горькое знание, обретенное эльфами. Они должны были делать, что должно, зная, что их сил недостаточно, и надеясь на помощь их Создателя – но не привлекать противоестественный механизм Машины даже для достойнейшей из целей. Это последнее падение стало концом эльфийской цивилизации Среднеземья: оставив после себя мир, свободный от Саурона, и дав людям все дары, какие могли, эльфы покинули смертных, навеки уйдя в блаженный Валинор.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ И

КВКОВЫ



Мы видим теперь, что в своей мифологии Толкин изобразил мир, живущий по нравственным законам христианства; но главной историей этого мира является борьба детей Создателя с могущественным Темным Владыкой во времена, когда еще никто не говорил эльфам и людям о надежде или спасении. Конфликт представлен в своем высшем напряжении: собственными силами Воплощенных никогда не одолеть мощи Врага, а его ложь легко сеет зло в гордых или отчаявшихся сердцах. При таком рассмотрении все аспекты этого конфликта проявляются особенно сильно и чисто. Так, объединяются две истинно моральные концепции Зла: христианская (зло есть результат ошибки свободной воли) и северогерманская (зло – это внешняя сила, с которой надо бороться с оружием в руках). Объединены и способы борьбы: мужество обреченных воинов Вальхаллы и смирение христиан. Если история людей у Толкина в основном «исторична», то центром его собственного мифа являются эльфы, «непадающий» народ. Они подобны людям, но отличаются от них бессмертием, могуществом и особым Искусством. Автор не призывает тем самым к созданию сверхчеловека, нет! – напротив, показана угроза и опасность обладания такими дарами. Величие эльфов есть лишь необходимое условие их выживания в Среднеземье, мире, в центре которого стоит монстр – Моргот, могущественнейший из Валар, называющий себя Королем Арды. Эльфы демонстрируют те лучшие качества





человеческого существа, что нынешние люди, по мнению автора, утрачивают; и они обольщаются теми же грехами, что и мы с вами. Не всеми – лишь главными и «высокими»: жаждой находить источник Света в самих себе и стремлением к власти в мире. Последствия первого искушения (оно означает нарушение собственной природы) эльфы преодолевают (благодаря той самой древней памяти, гуманной мифологичности мышления) через века страданий – но не собственной жертвой, а смирением и покаянием. Так они побеждают один из главных пороков нового времени. Второе падение эльдар есть использование Машины, еще более глубокая черта современной цивилизации. Это насилие над природой и чужой волей (пусть даже не из желания властвовать, а из лучших и светлых устремлений к счастью и радости для всех) искупается лишь полным исчезновением эльфов в Срединном Мире. Лишь ценой гибели они избавляют Арду от этого последнего своего зла. Но тем самым в эльфах побеждаются все три врага человека современности, выпущенные им самим на волю. В последнем *мифологическом* предании, «Властелине Колец», эльфы передают свой опыт людям, избавляя их от зла первых дней. Четвертая, человеческая Эпоха начинается с Надежды. Так и Джон Рональд Руэл Толкин хотел донести свет чуда и истины спасения до сердец других людей перед лицом возможного возвращения древнего Зла.

Список непользованной литературы

1. Дж.Р.Р.Толкин, «О Волшебных Сказках» (пер. С.Кошелева). («Приключения Тома Бомбадила и другие истории», С-Пб.: «Академический проект», 1994).
2. «Letters of J.R.R. Tolkien». A selection edited by Humphrey Carpenter with the assistance of Christopher Tolkien. (SU.TOLKIEN CD Collection, 2000).
3. Т.Шиппи, «Толкин как послевоенный писатель» (сокр. пер. Н.Семенов и З.Метлицкой). (Файл взят с Арды-на-Куличках, <http://www.kulichki.com/tolkien/>).
4. П.Федоров, «Письмо участникам диспута». («Палантир», журнал Толкиновского Общества С-Пб., №№22-26).
5. С.Л.Кошелев, «Жанровая природа "Повелителя Колец" Дж.Р.Р.Толкина». («Проблемы метода и жанра в зарубежной литературе», вып.6, – 1981).
6. С.Л.Кошелев, «"Великое сказание" продолжается. Эстетическая теория Дж.Р.Р.Толкина и его роман "Властелин Колец"». (Файл взят с Арды-на-Куличках).
7. Н.Прохорова, «Добродетели мира Толкина: деяние и недеяние». (Файл взят с Арды-на-Куличках).
8. Б.Жуков, «Охота на эльфов». («Палантир», журнал Толкиновского Общества С-Пб., №17).
9. Р.И.Кабаков, «"Повелитель Колец" Дж.Р.Р.Толкина и проблема современного литературного мифотворчества». (Файл взят с Арды-на-Куличках).
10. Е.М.Апенко, «"Сильмариллион" Джона Толкина (к вопросу об одном жанровом эксперименте)». (Вестник ЛГУ. Сер. 2, 1989, вып. 1 (№ 2)).
11. Н.Некрасова, «Отражение европейской королевской традиции в творчестве Дж.Толкина на примере "Правды Короля"». («Палантир», журнал ТО С-Пб., №25).
12. Эйлиан, «Основы эльфийского права. (Комментарий к "Истории Финвэ и Мириэли")». (Файл взят с Арды-на-Куличках).



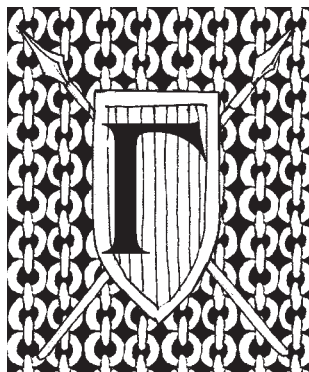
* Здесь надо напомнить, что Дж.Р.Р.Толкин лишь частично следовал принципу тождественности Земли и Арды – при единстве места (т.е. общих проблем и конфликтов) время (конкретно-исторические обстоятельства мифологической эпохи) является воображаемым.

** Важно отметить, что Падение наступает не ваниар, высших светлых эльфов, и не линдар (поющих) – последних, а налдор – народ премудрых эльфов, занимающих среднее положение по умениям и силе. Это имеет прозрачное истолкование в применении к современному миру – именно высокий человек наиболее подвержен риску пасть в гордыню, не низкий (мытари и блудницы; эта аналогия, конечно, не вполне удачна) и не действительно высочайший (святые).





(авторская редакция статьи, написанной для энциклопедии "Арды-на-Куличках")



ОБЛИНЫ (*Goblins*). Персонажи многих произведений Дж. Р. Р. Толкина, выполнявшие в них весьма различные функции. Согласно *Оксфордскому словарю английского языка* в низшей мифологии Западной Европы этот термин обозначает озорных уродливых демонов и ведет свое происхождение от слова *Gobelinus*, зафиксированного еще в XII в. и именовавшего духа, который обитал в окрестностях Эвре [OED, Goblin].

I. Насколько нам известно, в творчестве Толкина термин «гоблины» впервые появился в стихотворении *Шаги гоблинов* (*Goblin Feet*), родившемся в апреле 1915 г. Это стихотворение он написал для Эдит, которой нравились «весна, цветы, деревья и крошечные эльфики» [Карпентер, Part One, 7]. В нем описаны миниатюрные сказочные существа, спешащие куда-то по своим волшебным делам по ночной дорожке. Существа, настолько симпатичные и загадочные, что поэт всей душой стремится им вослед. В стихотворении использовано несколько различных наименований этих существ: гоблины (*goblins*), гномы (*gnomes*) и лепреконы (*leprechauns*). Можно было бы предположить, что разговор в каждом случае идет о разных существах, входящих в одну компанию, однако, древнеанглийский заголовок данного стихотворения (*Ситаю юб Nihhtiefas*) дословно переводится как *Шаги ночных эльфов*, что свидетельствует о том, что по крайней мере эти два термина в рамках данного стихотворения являются синонимами. По-видимому, в начале своей творческой деятельности Дж. Р. Р. Толкин не проводил особых разграничений между различными представителями волшебного народца и, подобно многим писателям-сказочникам Западной Европы, представлял их в виде маленьких насекомоподобных крохотулек. Однако вскоре точка зрения Толкина на гоблинов, как и на миниатюрность волшебного народца, начала претерпевать радикальные изменения, и в конце жизненного пути в 1971 г. он говорит о своем раннем поэтическом опыте едва ли не с досадой: «Хотелось бы мне на веки вечные похоронить злосчастный стишок, воплощающий все то, что я (очень скоро) пламенно возненавидел» (HoME-01, I).





В начале воплощения своего грандиозного замысла Мифологии для Англии Толкин отводил термину «гоблин» чрезвычайно важное место. В самых ранних набросках к Словарю квэнья (весна 1915 г.) он расшифровывает слово «*noldo*» как «гоблин», а термин «*noldomar*» соответственно как «земля гоблинов», таким образом, гоблинами первоначально назывались те существа, которые известны нам по поздним текстам Профессора как эльфы нолдор (Qenya Lexicon). И лишь впоследствии вместо термина «гоблин» Толкин стал использовать слово «гном» (*gnome*), а гоблинами стал называть иных созданий.

II. Уже в первых из сохранившихся текстах *Книги утраченных сказаний* гоблины представлены в качестве злых существ, иначе называемых орками. Вместе с прочей нечистью (дварфами, ограми и великанами) они были созданы Мэлько и исполняли его волю и волю его ближайших слуг.

Работая над *Хоббитом* (ок. 1930), десткой сказкой, которая первоначально не имела ничего общего с легендариумом Арды, Толкин ввел гоблинов и в это произведение. «Такие истории... прорастают подобно семечку в темноте из листовенного перегноя, накопившегося в уме» – говорил Профессор, и, как отмечает Х. Карпентер, «мы еще можем различить очертания кое-каких отдельных листьев: поход в Альпы в 1911 году, злые гоблины из книг о Курди Джорджа Макдональда» [Карпентер, Part Five, 1]. Да, «точкой кристаллизации» для создания образа гоблинов, по всей видимости, послужили сказки англо-шотландского детского писателя Джорджа Макдональда (1824-1905) *Принцесса и гоблин* (1872) и *Принцесса и Курди* (1883), которые Толкин хорошо знал и очень любил в детстве [Карпентер, Part One, 2]. Макдональд подробно описал удивительный народ, живущий в горных пещерах. Люди именовали их гоблинами, но некоторые называли их гномами (*gnomes*), а кое-кто – юбольдами.

Рис. 1. Иллюстрация Артура Хагеса (1832-1915) к книге Джорджа Макдональда *Принцесса и гоблин*. По-видимому, одно из изданий сказки, проиллюстрированное этим художником (1873 и 1887 гг.), Толкин читал в детстве.



О происхождении этого народа Макдональд сообщает следующее. Некогда они жили на поверхности земли и были очень похожи на других людей. Но король, владыка тех земель, по какой-то причине стал обходиться с ними с излишней суровостью. То ли он обложил их слишком тяжкими, по их мнению, налогами, то ли потребовал от них выполнения ритуалов, которые им не нравились, как бы то ни было, все они однажды исчезли. Однако, вместо того чтобы уйти в какую-нибудь другую страну они нашли убежище в подземных пещерах, откуда выходили лишь по ночам, чтобы не попадаться на глаза людям.

Живя вдали от солнца, в холодных, сырых и темных пещерах в течение нескольких поколений, гоблины Макдональда значительно изменились. Хотя они оставались вполне антропоморфными, внешность их стала причудливой и даже гротескной. Они невысоки и непропорционально сложены, самый рослый и статный из них имеет рост в четыре фута (122 см), а в ширину 3,5 фута. Пальцы рук у них короткие и толстые, без ногтей. На ногах же у большинства из них вовсе нет пальцев. Те же из них, что имеют пальцы на ногах, стыдятся





этого и всячески стараются скрывать этот факт. Ступни у них очень мягкие, нежные и уязвимые, но несмотря на это они не носят обуви, считая это немодным. Лишь королева в знак своего достоинства ходит в тяжелых гранитных башмаках, по форме напоминающих французские сабо (на самом деле они нужны ей для того, чтобы скрыть свое уродство – у нее на ногах растет по шесть пальцев). Лица гоблинов Макдональда так же уродливы, как и их тела. Об этом можно судить по описанию внешности королевы: утолщенный на конце нос, глаза расположены ассиметрично, рот маленький, но когда она улыбается, растягивается от уха до уха, а уши расположены возле щек.

Приспособившись к жизни под землей, представители этого народа стали весьма выносливыми существами. Они могли обходиться без пищи целую неделю и при этом не теряли сил. Они также сумели значительно развить свои знания и умения, стали хитрыми и изобретательными и научились создавать такие вещи, которые ни один смертный не имел возможности сделать.

Они умели пользоваться огнем, жгли костры и освещали пещеры с помощью факелов, занимались горными работами, рыли и бурили тоннели, а также добывали камни и металлы, хотя и никогда не торговали ими. Работали они всегда только по ночам, чтобы как-нибудь ненароком не столкнуться с людьми. Днем же они спали. В своих пещерах гоблины Макдональда содержали разнообразных животных, предками которых были некоторые домашние животные, а также лисы, волки и маленькие медведи. Со временем эти животные неузнаваемо изменились внешне, а некоторые из них даже стали в чем-то походить на человека. Люди, мельком видевшие в горах странных уродливых животных, частенько принимали их за гоблинов, и по-видимому в основном именно такими случаями можно объяснить рассказы о чрезвычайной уродливости гоблинов Макдональда, которые все-таки не настолько сильно отличались от людей, насколько говорится в некоторых описаниях. Своих овец гоблины выводили по ночам пастись на открытом воздухе, но только в наименее посещаемых и самых труднодоступных участках гор. Питались гоблины, по-видимому, в основном мясом, но иногда им удавалось добывать на близлежащих людских фермах сливки и сыр, которые считались у них деликатесами.

Гоблины Макдональда жили моногамными семьями в отдельных пещерах с несколькими помещениями. Их общественное устройство, насколько это можно понять из текста книги, было достаточно простым. Основу общества составляли, по-видимому, лично свободные гоблины, во всяком случае, понятия «рабство» у них не отмечено. Во главе государства стоял король, власть которого передавалась по наследству. В решении государственных вопросов ему помогал канцлер и другие члены правительства. В обсуждении же государственных вопросов принимали участие и простые гоблины.

Гоблины Макдональда не были абсолютно злыми существами, у них осталось достаточно привязанности друг к другу, чтобы не проявлять жестокость ко всем, кто им попадется, ради самой жестокости. Тем не менее, они постоянно лелеяли старинную наследственную неприязнь к тем, кто занял их прежние владения и особенно к потомкам того короля, который стал причиной их изгнания. Поэтому гоблины пользовались любым удобным случаем чтобы досадить людям и действовали при этом весьма изощренными, хитрыми и коварными методами, какие только могли выдумать. К людям они относились не только неприязненно, но даже презрительно, считали их слабыми и недостаточно выносливыми. Внешность людей они считали ущербной, особым насмешкам с их стороны подвергалась такая отличительная особенность людей, как пальцы на ногах. Однако, следует отметить существование брачных союзов между гоблинами и людьми. Так, первой женой короля гоблинов была женщина из людей, которую король любил и почитал. После рождения сына женщина умерла, оставив в наследство принцу три пальца на ногах (один на одной ноге и два на другой), а последующим королевам – традицию носить обувь. Хотя гоблины и считали эту женитьбу самым глупым поступком короля, наследный принц





тоже пожелал себе в жены девушку из людей – ни много ни мало, как принцессу.

После неудачи с похищением принцессы много гоблинов погибло во время наводнения пещер. Большая часть спасшихся вскоре покинули страну. Те же, кто остался, со временем приобрели более мягкий характер и стали очень похожи на шотландских брауни. Их черепа стали мягче, как и их сердца, а ступни ног стали тверже, и постепенно они стали более дружелюбны к жителям гор и даже к рудокопам.

Из приведенного описания видно, что гоблины из *Хоббита* и гоблины Макдональда в самом деле имеют много общих черт. Сам Толкин об этом писал: “они не являются полностью моим изобретением – многое, я думаю, почерпнуто из традиции гоблинов [...] у Джорджа Макдональда, за исключением мягких ступней, в которые я, кстати, и не верил никогда” (Letters, №144). Однако развитие *Хоббита* постепенно вело к его срастанию с легендарным Арды, гоблины обретали все новые пугающие черты и из вредного, но довольно забавного, народца превращались в армию злобных и яростных солдат Врага, иначе называемых орками (см. **орки**). В конце концов результирующий образ очень далеко ушел от образа гоблинов Макдональда, что дало Толкину основание утверждать: “лично я предпочитаю слово «орки» – ведь у меня и правда выведены орки, а никакие не гоблины; кроме того, к гоблинам Дж. Макдональда они никакого отношения не имеют” (Letters, №151).

III. Гоблины присутствуют и в некоторых из так называемых «малых» произведений Толкина. Так в сказке *Роверандом* песик, превращенный злым волшебником в игрушку, встречается в своих странствиях множество причудливых созданий, и, в частности, крохотных морских гоблинов, которые катаются верхом на морских коньках, охотятся на рыб, дерутся и постоянно враждуют с морскими фэери, а во время бури любят выплывать на берег и резвиться в прибое.

Рис. 2. Сцена битвы с гоблинами в подвале Деда Мороза (рисунок Дж. Р. Р. Толкина, *Письма Рождественского Деда*).



Рис. 3. Изображения гоблинов на стенах пещер (рисунок Дж. Р. Р. Толкина, *Письма Рождественского Деда*).

В *Письмах Рождественского Деда* гоблины обитают в пещерах на Северном Полюсе. Эти каверзные создания воюют с Дедом Морозом и воруют у него подарки. Они ездят на летучих мышах и на драсиях (карликовых лошадях, похожих на таксу). Стены их пещер украшены множеством рисунков, изображающих, в основном, их самих, и надписей, имеющих отношение к черной магии.

Упоминаются гоблины и в стихотворениях Толкина, например, в *Мифопоэзе*.

Основные источники:

- Мифопоэзия;
- Письма Рождественского Деда;
- Роверандом;

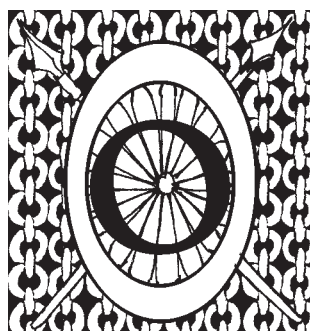




- Н.;
- Шаги гоблинов;
- HoME-I (I “The cottage of lost play”; X “Gilfanon’s tale”);
- Letters (№№144, 151);
- The Qenya Lexicon.// Parma Eldalamberon, №12, 1998.

Дополнительные источники:

- Карпентер Х. Дж. Р. Р. Толкин: Биография. – М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2002, 432 с.
- Goblin.// Oxford English Dictionary CD-ROM. Version 1.13. Software B.V. 1994.
- MacDonald G. The princess and the goblin. http://www.pagebypagebooks.com/George_MacDonald/The_Princess_and_the_Goblin/index.html



РКИ. В мифологии Толкина – народ, неизменно выступающий в качестве «пехоты древних сражений», основная военная сила армий Моргота, Саурана и изменника Сарумана.

Обозначение. В английском языке слово «орк» имеет два варианта написания: в большинстве произведений Толкин, как правило, за редкими исключениями употребляет форму *Orc*, в поздних текстах (с конца 1960-х гг.) он планомерно изменяет ее на *Ork* (HoME-10, Part five, X). В большинстве случаев это слово пишется с прописной буквы, но иногда встречается форма со строчной буквой.

Генезис и эволюция художественного образа. Орки и другие персонажи, обозначаемые этимологически или фонетически близкими словами, присутствуют во многих произведениях европейской литературы [OED, Orc, ork], но поиск параллелей между ними и толкиновскими орками, хотя и представляет определенный интерес, рискует превратиться в “*перебирание бычьих костей, из которых сварен суп*”. Говоря о проблеме прототипов персонажей книг Толкина, Т. Шиппи заметил: “*количество найденных и использованных им культурных соответствий было для него не так важно; по-видимому, наибольшее значение Толкин придавал отдельным поэмам, сказкам, фразам, образам, уделяя именно им больше всего внимания и используя их в качестве точек кристаллизации при описании целых рас и племен*” [Шиппи, ДвС, 3]. И, хотя, по мнению Т. Шиппи, “*пытаться идентифицировать, что именно легло в основу того или иного образа, было бы чистой спекуляцией*” [там же], в случае орков нам известно о таких «точках кристаллизации» от самого писателя. Поэтому мы не станем говорить об орках литературных произведений XVI-XVII вв., об Орке из пророческих книг У. Блейка и др., поскольку по утверждению самого Толкина, источником данного термина для него явилось древнеанглийское слово *orc*, соответствующее значениям «турс (огр)», «демон ада» (A Tolkien Compass: Guide to the names in LotR). Во фрагментах на древнеанглийском языке Толкин использует эту же форму написания (HoME-04, VI). Характерно, что в наиболее ранних вариантах квэньи термин «орк» (*Ork (orq-)*) расшифровывался именно как «чудовище», «огр», «демон» (Qenya Lexicon). Полагают, что это слово происходит от латинского *Orcus* – Орк Диспатер, одно из древнеримских божеств смерти и подземного мира (HoME-11, Part Four). Оно присутствует в некоторых древнеанглийских текстах в составных словах *orcniȝas* (демоны-мертвецы) и *orcȝyrs* (орктурсы – орки-гиганты, племя демонов-великанов) [Шиппи, ДвС, 3]. В *Беовульфе* орки наряду с ётунами и эльфами





названы в числе потомков Каина и врагов рода людского [Beowulf, 112]. Именно эти демонические существа в значительной степени послужили прототипами орков в книгах Толкина. Предположение же о происхождении термина «орк» от наименования хищного кита косатки (*Orcinus orca*) Толкин категорически отвергал (Hobbit, Foreword).

Впервые орки появились уже в самых ранних из известных текстов Толкина, относящихся к группе *Утраченных Сказаний* (1914-1917 гг.). Практически с момента возникновения их образ находился в тесном взаимодействии с образом гоблинов. Чаще всего эти два термина употребляются как синонимы, например, в словаре голдогрин (языка гномов-нолдоли) слово «гонг» объясняется как *“один из племени орков, гоблин”* (HoME-01, X). Однако в ряде фрагментов эти существа предстают как совершенно различные группы персонажей. Так, упоминается об *“орках и горных гоблинах”* (HoME-02, I), об *“орках и бродячих гоблинах”* (HoME-02, IV). Из иных же фрагментов можно понять, что это родственные существа – либо гоблины являются частью народа орков: *“это гоблины Мэлько, горные орки”* (HoME-02, III), либо наоборот. Можно также заключить, что орки, хотя и были родственны гоблинам, мыслились писателем более опасными созданиями, об этом свидетельствует фрагмент описания орков: *“они также могут быть названы гоблинами, но в древние дни они были сильными, жестокими и свирепыми”* (HoME-04, III; HoME-05, Part Two, VI).

Таким образом, сближение смыслов терминов «гоблин» и «орк» в текстах Толкина наметилось весьма рано, позднее писатель даже неоднократно объяснял, что слово «гоблин» в его произведениях является всего лишь приблизительным переводом термина «орк» на английский язык: *“«орк» – не английское слово. Оно встречается в одном-двух местах, но обычно переводится как «гоблин» (или «хобгоблин» для тех, что покрупнее)”* (Hobbit, Foreword), *“слова «elf», «gnome», «goblin», «dwarf» – это лишь приблизительный перевод древнеэльфийских наименований существ, которые не вполне соответствуют этим терминам по своим качествам и функциям”* (Letters, №25), *“в книге «Хоббит» я перевел его всюду (кроме одного места) как «гоблин», но вообще-то это название [...] плохо подходит”* (A Tolkien Compass: Guide to the names in LotR). Однако это сближение часто нарушалось, поскольку употребление терминов «орк» и «гоблин», явно отличное от синонимичного, эпизодически встречается не только в ранних, но и в поздних текстах. Например, в *Хоббите*: *“даже крупные гоблины, горные орки”* (Hobbit, 5), *“там полным-полно гоблинов, хобгоблинов и орков”* (Hobbit, 7). И даже в черновиках, написанных Толкином в последние годы жизни: *“орки и гоблины имели собственные наречия”* (HoME-12, Part one, II).

Важную роль в формировании образа орков сыграла работа Толкина над *Хоббитом* (ок. 1930 г.), который достаточно долго не рассматривался им как часть исторического полотна легенд об Арде, но лишь как вполне самостоятельная, изолированная детская сказка (Letters, №257). Только постепенно произошло глубокое взаимопроникновение этого произведения и легендария Арды, объединившее их и вылившееся в грандиозную эпопею – *Властелин колец* [Карпендер, Part IV, 6; Part V, 1]. Гоблины из *Хоббита* (см. **гоблины II**), развивавшиеся независимо от орков и гоблинов легендария, в конце концов слились с ними в единое целое, обогатив суммарный образ многочисленными подробностями, без которых этих существ уже невозможно себе представить. Влияние это отнюдь не было односторонним, в итоге орки Толкина ушли в своем развитии от прототипов гоблинов весьма далеко, о чем можно судить по словам писателя: *“орки во Властелине Колец и в Сильмариллионе, обладают, конечно, и традиционными для гоблинов чертами, но, вообще говоря, у них другое происхождение, иная роль, и они иным образом связаны с эльфами”* (A Tolkien Compass: Guide to the names in LotR), и даже более того: *“лично я предпочитаю слово «орки» – ведь у меня и правда выведены орки, а никакие не гоблины”* (Letters, №151). Объясняется такое предпочтение лингвистическими причинами. Толкин придерживался принципа «хорошая литература начинается с правильных слов» и старался по





возможности избавляться от тех терминов и форм, которые ему по тем или иным причинам не нравились (*elfin, dwarfish, fairy, gnome*) [Шиппи, ДвС, 3]. Так же он постарался избавиться и от слова «гоблин», имеющего сравнительно недавнее происхождение, заменив его древнеанглийским «орк» [Shippey, ТАС, II]. Так мы и будем называть их ниже.

Еще одним важным фактором эволюции образа орков стало развитие метафизической картины мира Арды, в частности, метафизики зла. В ранних текстах Толкина Мэлькор в некотором отношении подобен древнегерманскому богу Локи. Тщеславный и завистливый, хитрый и коварный он, равно как и прочие боги-валар, мог иметь детей, а также сотворять разумные живые существа. И согласно наиболее ранним текстам, орки являлись порождениями Мэлькора (HoME-02, I), созданными им *“из подземного раскаленного ила”*, и имели *“гранитные сердца”* (HoME-02, III). Несколько позже о них говорится, что они были сделаны *“из камня, а их сердца из ненависти”* (HoME-04, III; HoME-05, Part Two, VI), при этом время их создания относилось к периоду, наступившему непосредственно после уничтожения Светилен валар, и предшествовало появлению эльфов (HoME-04, II). Однако довольно быстро Толкин пришел к мысли, что орки появились лишь только после того, как Мэлькор увидел эльфов, и были созданы им *“в насмешку над Детьми Илуватара”* (HoME-05, Part Two, VI).

Со временем, особенно после публикации *Властелина колец* и переписки с некоторыми из читателей, на мифотворчество Толкина все большее и большее влияние стало оказывать его католическое мировоззрение, Кристофер Толкин замечает: *“мне кажется, что переписка, последовавшая за публикацией “Властелина Колец”, сыграла важную роль в пересмотре «образов и событий» мифологии”* (HoME-10, Part Five, VII). Чувствуя высокую ответственность за свое Малое Творение, Толкин постепенно изменял его метафизические основы, стараясь сгладить наиболее острые моменты, которые могли бы вступить в противоречие с христианскими представлениями о мироздании. Так, валар перестали именоваться богами, приблизившись, скорее, к категории ангелов, а об их способности к рождению детей более не упоминалось (исключение – майа Мэлиан, имевшая дочь Лутиэн). Кроме того, одним из центральных принципов метафизики Арды стало положение об абсолютной неспособности зла к творению: *“со времен своего бунта в Айнулиндалэ, до начала времен, Мэлькор не мог создать ничего, что обладало бы собственной жизнью или хотя бы ее подобием”* (HoME-10, Part Two; Silmarillion, Quenta Silmarillion, 3). Более, из истории появления dwarфов видно, что создание полноценных независимых и разумных существ даже кем-либо из валар стало возможным лишь с благословения Эру; в то же время, все уже созданные тексты Толкина описывали орков как независимых и разумных созданий, во всем подобных представителям прочих гуманоидных народов Арды. Эти изменения неизбежно произвели переворот в понимании сущности орков и их происхождения. В обновленной концепции эти существа не были созданы Мэлькором *de novo*, а являлись потомками тех эльфов, *“которые попали в лапы Мэлькора, были ввергнуты им в узлище и там постепенно при помощи жестоких и злых чар искажены и поработены”* (HoME-10, Part Two). Мысль о том, что орки имеют некоторое отношение к эльфам, мельком появлялась у Толкина и ранее – еще в первых текстах говорится: *“иные нолдоли обратились ко злу Мэлько и смешались с этими орками”* (HoME-02, III). Но теперь эльфы объявлялись единственными предками орков. При этом сохранилась идея о том, что орки были выведены Мэлькором в подражание и в насмешку над детьми Эру.

Хотя данная гипотеза является наиболее непротиворечивой из имеющихся, она тяготила Толкина, об этом можно судить по пометке на полях указанной рукописи: *“Изменить это. Орки не эльфийского происхождения”* (HoME-10, Part Two). Никакого изменения так и не было сделано, вследствие чего фраза о создании орков из захваченных эльфов практически без изменений вошла в *Сильмариллион* (Silmarillion, Quenta Silmarillion, 3), но все же писатель активно искал альтернативные варианты происхождения орков. В одном из них предполагается, что *“орки*





суть животные” (HoME-10, Part Five, VIII): “орки были животными в гуманоидном облике (в насмешку над людьми и эльфами), преднамеренно приближенном к подобию людей. Их речь на самом деле была прокручиванием «записей», вложенных Мэлькором [...] по большей части звукоподражательной (как у попугаев)” (там же). Увы, такая гипотеза никак не могла бы быть согласована с опубликованными произведениями писателя, такими как *Хоббит* и *Властелин колец*, в которых орки представлены полноценными и несомненно разумными существами, но Толкин, тем не менее, пытался каким-то образом использовать ее. Признав, что “наличие в орках эльфийской крови остается очень возможным”, он предположил, что “их могли скрещивать с животными (без потомства!), а позднее с

людьми.” (там же).

Последнее замечание было развито в виде еще одной гипотезы, в которой предполагалось, что орки, может быть, были выведены из людей, возможно, из друэдайн. Об этом говорится, например, в одном из текстов группы *Неоконченных сказаний* (UT, Part Four, I). Однако, эта гипотеза, как сознавал и сам атор, “сталкивается с хронологическими трудностями” (HoME-10, Part Five, X), ведь люди пробудились лишь с первым восходом солнца, т. е. значительно позднее появления орков, которые участвовали уже в Первой войне Бэлэрианда, задолго до убийства Мэлькором двух Дерев и его бегства из Валинора. Но Толкин считал, что такой взгляд на появление орков “все же остается самым вероятным. Он согласуется со всем, что известно о Мэлькоре и поведении орков – и людей” (там же). Для того чтобы устранить эти трудности писатель даже думал либо пересмотреть хронологию истории Арды и перенести пробуждение людей в более ранний период, незадолго до Великого Похода эльфов в Валинор, либо передать выполнение мэлькоровского плана по выведению орков из людей Саурону, который после пленения Мэлькора сумел скрыться от войск валар в Средиземье, восстановил Ангбанд и мог найти пробудившихся людей. Кристофер Толкин замечает, что “эта точка зрения отца может показаться окончательной [...] Но, как всегда, все не так просто” (там же). Дело в том, что в конце очерка, описывающего данную гипотезу, утверждается, что орков было много еще до пленения Мэлькора, что “опровергает его основную концепцию” (там же).

Еще одна версия о происхождении орков говорит о том, что среди них могли быть воплощенные майар, перешедшие на сторону Мэлькора: “Мэлькор привлек на свою сторону множество духов – великих, как Саурон, и меньших, таких, как балроги. Самые слабые из них могли бы быть первобытными орками (более мощными и ужасными)” (HoME-10, Part Five, VIII). Такие майар могли выступать в роли вождей и доверенных слуг и соглядатаев Мэлькора (HoME-10, Part Five, IX), “вот почему рассказывают о Великих Орках или Орках-главарях, которых нельзя было убить, и они снова появлялись в битвах спустя срок, много превосходящий продолжительность жизни людей” (HoME-10, Part Five, X).

Как видно, Толкин много размышлял над проблемой происхождения этого загадочного народа и несколько раз резко менял свое мнение. Пришел ли он к однозначному выводу? Скорее, нет, чем да. Во всяком случае, Т. Шиппи утверждает, что “по вопросу о природе орков Толкин был очень близок к окончательному решению, но так и не смог прийти к нему. Может быть, в итоге он попросту устал?” и далее: “Толкин видел проблему и собирал решение по частям. Однако он так и не закончил эту работу – возможно, потому, что это потребовало бы, если уж заботиться о последовательности, пересмотра всего написанного ранее” [Шиппи, ДвС, 7]. Таким образом, как уже отмечено выше, центральное место в решении этой проблемы занимает





гипотеза об эльфийском происхождении орков, именно она является наиболее обоснованной и непротиворечивой. Однако, хотя альтернативные гипотезы не привели к кардинальному изменению всего корпуса легенд об Арде, участие людей в происхождении некоторых орков все-таки получило отражение в тех текстах, которые повествуют об урук-хай Сарумана, о человекоорках и орклюдях.

Подводя итог данного раздела, можно заключить, что образ орков в произведениях Толкина ушел от орков *Беовульфа* почти так же далеко, как и от гоблинов Макдональда. Эти персонажи претерпели столь значительную трансформацию, что простое их отождествление с орками-демонами из древнеанглийских текстов было бы ошибкой. Сам Толкин отмечал, что между обозначающими их терминами имеет место лишь фонетическое созвучие (Letters, №144; HoME-11, Part Four), и англичанин Эльфвине, называя в своих записях эти создания орками, отмечает, что делать это можно лишь вследствие того, что *“в древние дни они были могучими и свирепыми как демоны. Но демонами они не были”* (HoME-10, Part Two). Таким образом, орки мифологии Толкина имеют к древнеанглийским оркам приблизительно такое же отношение, какое последние имели к древнеримскому Орку. Однако в то же время, как отмечает Т. Шиппи, благодаря книгам Толкина *“древнеанглийские понятия об эльфах, орках, энтах, ограх и воосах были высвобождены и обрели приют в воображении читателя, присоединившись к куда более знакомым дварфам [...], троллям [...] и полностью вымышленным хоббитам”* [Шиппи, ДвС, 9].

Символика художественного образа. Говоря об эльфах, Толкин неоднократно отмечал, что в образе этих персонажей он пытался отразить наиболее прекрасные черты, присущие людям: *“эльфы – это некоторые аспекты людей и их талантов и желаний, воплощенных в моем небольшом мире”* (Letters, №153), *“эльфы представляют [...] художественные, эстетические и чисто научные аспекты человеческой природы, но на более высоком уровне, чем у реальных людей”* (Letters, №181). Орки, являясь искаженными эльфами, насмешкой Мэлькора над Детьми Илуватара, напротив, представляют собой аспект человеческой сущности, выражающий совокупность наихудших свойств, которые человек может обнаружить в себе самом, ибо, как отмечал Толкин, орки хотя и *“ужасно испорчены”*, но все же *“не более некоторых людей – наших современников”* (Letters, №153).

Вопросы метафизики. Первопричиной появления орков в Арде явились события, которые произошли еще до сотворения Эа, во время Айнулиндалэ. *“Из-за Диссонанса (не из-за тем Эру или Мэлькора, а от их соотношения) в Арде появлялись создания Зла, не происходящие прямо от Мэлькора. Они не были его «детьми», и, так как Зло ненавидит все, ненавидели также и его. Происхождение вещей было искажено. Не отсюда ли орки?”* (HoME-10, Part Five, VII). Таким образом, *“привнесенные вторичным творчеством элементы зла, восстания, диссонанса содержались в природе Эа уже тогда, когда было произнесено «Да Будет Это». Потому Падение, или искажение, всего в ней и всех в ней было возможно, если не неизбежно. Деревья в Вековечном Лесу могли «испортиться»; эльфы могли превратиться в орков”* (Letters, №212).

Вопрос о том, обладают ли орки фэар, тесно связан с проблемой их происхождения и не может трактоваться совершенно однозначно. Толкин пишет, что в его мифологии *“ни одному из созданий Господа не «делегировано» творение*





душ», в том числе и валар (Letters, №153), потому орки, сделанные Мэлькором из ила или камня, по всей видимости, фэар бы не имели. Они, подобно дварфам, только что созданным Аулэ, но еще не принятым Илуватаром, даже не могли бы двигаться самостоятельно и были бы способны лишь выполнять команды своего создателя. Они были бы *«больше похожи на марионеток, наполненных [...] разумом и волей их создателя, или подобны муравьям, что действуют, направляемые из центра маткой»* (там же).

Орки, являющиеся животными в гуманоидном облике, также не имели бы душ. Сами по себе большинство кэльвар в метафизике Толкина фэар не имели. Лишь относительно некоторых из них, обладающих речью (орлы, коты, собаки, волки, вороны), Толкин порой, хотя и не всегда, допускал возможность одушевления. Но по поводу орков, происходящих от животных, он был вполне категоричен: *«предусмотрел ли Эру фэар для подобных созданий? Возможно – для орлов и т. д. Но не для орков»* (HoME-10, Part Five, VIII).

Если же орки происходят от эльфов или людей, то без сомнения они им подобны во всем, что касается внутренней сущности, ведь без фэар они не могли бы жить подобно тому, как живут Дети Илуватара. И в самом деле, орки упомянуты в перечне воплощенных существ вместе с эльфами, людьми и дварфами (HoME-11, Part Four), об этом же Толкин говорил и в своих письмах: орки в его легендах *«в основе своей – раса «разумных воплощенных» существ»* (Letters, №153). Данных о том, что фэар орков имеют какие-либо дефекты по сравнению с фэар эльфов или людей, в опубликованных текстах Толкина не содержится. Впрочем, трудно предполагать, что такие дефекты были, ведь *«фэар создает сам Эру»* (HoME-10, Part Four), вряд ли Он сам стал бы намеренно искажать их. Кроме того, *«фэа неуничтожима, это единое целое, которое не может быть разделено на части или стать частью другого целого»* (там же), что не позволило бы Мэлькору или Саурону искалечить ее путем лишения какой-либо из присущих ей частей.

На первый взгляд противоречивый вопрос о том, смертны ли орки, решается вполне однозначно, если учитывать одну важную и специфическую особенность метафизики Толкина: смерть в Арде присуща только лишь людям и более никаким иным созданиям, ибо понимается она не просто как разлучение души и тела, как в нашей повседневной жизни, а как уход фэа за пределы мира. Смерть – это Дар Илуватара людям, их особая привилегия. Стало быть те орки, которые не происходили от людей, несомненно, были бессмертными (в том смысле, что их фэар не покидали пределов мира). Тем не менее, срок их жизни был весьма ограничен, поскольку они были *«короткоживущими по сравнению с людьми высокой расы, такими как эдайн»* (HoME-10, Part Five, X). Таким образом обычный срок жизни орков, по-видимому, был менее 70-80 лет, отпущенных эдайн (HoME-10, Part Four). Впрочем, возраст Болга, сына Азога, в момент его гибели не мог быть меньше 142 лет, что следует из хронологии Третьей эпохи (LotR, Appendix B), при этом он был здоров и полон сил, о чем свидетельствует его активное участие в Битве Пяти Воинств.

После гибели хроар фэар орков отправлялись в Мандос, однако, в отличие от фэар эльфов, они были обречены пребывать там до окончания времен (HoME-10, Part Five, VIII). В то же время, если у кого-либо из орков в числе предков были люди, то в этом случае нельзя исключить вероятность того, что такие орки, подобно потомкам Эарэндиля, могли выбрать свою дальнейшую судьбу, избавиться от бессмертия, обрести истинную смерть и покинуть пределы мира. Увы, среди известных текстов Толкина никакой информации на этот счет не обнаружено.

Относительно того, как размножались орки, мнение Толкина было однозначным. Не смотря на то, что во всем легендарии мы встречаем лишь одно косвенное упоминание женщин орков (Hobbit, 1-st, 2-nd eds, 1), мысль о которых, по словам Т. Шиппи, ужасала писателя [Шиппи, ДвС, 7], и ни разу не встречаем их описания, в раннем квэнья существовал специальный термин





для их обозначения – *orqin/orqindi* (Qenya Lexicon), кроме того достоверно известно, что *“орки живут и множатся подобно Детям Илуватара”* (HoME-10, Part Two; Silmarillion, Quenta Silmarillion, 3), и упоминания о детях орков и молодых орках, хотя и редко, но встречаются, например, в *Хоббите* (Hobbit, 5).

Практически постоянно выступая на стороне зла, орки, тем не менее, были *“злы не изначально”* (HoME-10, Part Five, X), ибо они не созданы, а лишь искажены Мэлькором, и потому не являлись злом абсолютным. Более того, Т. Шиппи, анализируя разговор Шаграта с Горбагом, приходит к выводу о том, что орки *“не могут отменить то, что Льюис называл «Законом Добродетели» и изобрести контрмораль, в основе которой лежало бы зло [...]». Они – создания, имеющие представление о добродетели, знающие, что такое добро, и их представления о нем мало отличаются от наших”* [Shippey, TAC, III].

Тем не менее, орки, покорные приказам своего властелина, постоянно совершали злые поступки, ибо они *“были рабами Моргота; искажившись, они почти потеряли возможность освободиться от господства его воли”* (HoME-10, Part Five, X). *“Искажение довело их до безжалостности, и не было жестокого дела или греха, которого бы они не совершили”* (там же). Природа этого искажения, по-видимому, состоит в том, что Мэлькору удалось во многом подавить их волю, ибо *“воля орков, балрогов и т. д. – всего лишь часть «рассеянной» мощи Мэлькора. Их дух – дух ненависти”* (HoME-10, Part Five, VIII). И хотя эти существа боялись своего властелина, они в то же время ненавидели его: *“глубоко в темных сердцах орков живет ненависть к Господину, которому они служат из страха – создателю их убожества”* (Silmarillion, Quenta Silmarillion, 3).

Но были среди них и так называемые «поглощенные» орки, чья воля была полностью замещена волей Мэлькора. *“Орки, длительное время жившие под непосредственным наблюдением воли Моргота – гарнизоны крепостей или те части армии, которых обучали для особых целей в его войне, действовали, подобно стаду, мгновенно (как один разум) повинаясь его командам, даже если было приказано пожертвовать собой на службе”* (HoME-10, Part Five, X). Впрочем, таких орков было не много: *“«поглощенные» всегда составляли лишь малую их часть”* (там же), поскольку *“содержание их в абсолютной покорности требовало большого расхода воли”* Мэлькора, и после его окончательного свержения такие орки быстро исчезли: *“когда Моргот был, наконец, свергнут и изгнан, они беспомощно рассеялись, не желая ни бежать, ни сражаться и скоро погибли или перерезали друг друга”* (там же).

Прочие же орки, *“хоть и выполняя приказы Моргота и находясь под тенью страха, лишь иногда удостоивались его непосредственного интереса и внимания. В другое время они становились независимыми и осознали его тиранию и свою ненависть к нему. Тогда они могли не подчиняться приказам [...]”* (там же). Однако даже в отсутствие своего властелина, без приказов с его стороны орки продолжали совершать злые дела, *“беспричинно, «из любви к предмету»”, поскольку получали «удовольствие от своих деяний”* (там же).

Толкин длительное время размышлял над вопросом *“были ли орки в конце концов исправимы и подлежали ли «спасению»?”* (HoME-10, Part Five, VIII). В одних текстах он вскользь отмечал, что орки могут восставать против Саурона *“не теряя своей неисправимой преданности злу (Морготу)”* (там же). В других он был более осторожен, полагая орки *“могли стать неисправимыми (по крайней мере, эльфам и людям исправить их не под силу)”* (HoME-10, Part Five, X), что подразумевает возможность исцеления орков иными способами – посредством майар, валар, либо самого Илуватара. В письме же к Питеру Гастингсу Толкин высказывается





еще конкретнее: даже если бы орки были не просто искаженными созданиями, а истинными творениями Мэлькора, то и в этом случае невозможно было бы отрицать для них возможность исцеления. Да, они были бы *“порождения Греха и по природе своей дурные”*, но тут же Толкин добавляет: *“я едва не написал «дурные и неподвластные искуплению», но это значит зайти чересчур далеко. Ведь раз создание их принимается или попускается – что необходимо для их бытия, – то даже орки становятся частью Мира, который от Господа и, следовательно, в конечном счете благ”* (Letters, №153).

Итак, исцеление орков возможно. Но что ожидало бы их, если б Мэлькор победил в своей борьбе? Толкин говорит и об этом. Дело в том, что конечная безумная цель Мэлькора состояла в полном уничтожении всех обитателей Арды с другой волей и разумом. Не имея потенциальной возможности разрушить сущности всех, кто ему противостоял, он, тем не менее, старался сломить, подчинить себе их волю, а затем убить хроа. И в конце концов, победив своих противников, *“Моргот, без сомнения, стер бы с лица Земли даже собственных «созданий» (таких, как орки), выполнивших свое назначение – уничтожить эльфов и людей”* (HoME-10, Part Five VII).

Интересно, что именно расход сил Мэлькора на контроль «поглощенных» орков предопределил его окончательное поражение: *“Моргот, обладая огромной силой, все же не был беспределен; и столь велик был этот расход на орков и других, гораздо более могущественных созданий, что, в конце концов, такое рассеяние сил его разума сделало возможным его свержение”* (HoME-10, Part Five, X).

Как и иные народы Средиземья, орки владели магией. И, хотя примеров ее непосредственного использования мы в текстах не находим, слова Гандалфа, сказанные перед Вратами Моррии, косвенно свидетельствуют об этом: *“когда-то я знал все заклинания – эльфийские, человеческие, орочьи, словом, все, какими пользовались в таких случаях”* (LotR, Book Two, 4). В отдельных текстах есть даже данные, позволяющие считать, что некоторые из магических колец, созданных Сауроном, находились во владении орков, такие *“невидимые гоблины были очень злы и были полностью подчинены Властелину”* (HoME-06, III).

В потустороннем мире орки выпядят подобно призракам *“серые, искаженные туманом тени с бледными развевающимися факелами в руках”* (LotR, Book Four, 10), именно так их видит Сэмвайз Гэмджи, когда надевает Кольцо. Не исключено, что часть сущности орков может каким-то образом проникать в потусторонний мир, Горбаг описывает свои ощущения от встречи с назгул таким образом: *“они сдирают с тебя все тело одним взглядом, и ты остаешься холодным во тьме по ту сторону”* (там же).

Этнонимы. В языках народов, населяющих Арду, для обозначения орков существовало много различных этнонимов, но большинство из них происходило из единого источника: *“эльфы издавна использовали слова с основой (o)rok для обозначения чего-либо, наводящего страх и/или ужас. Первоначально эта лексема должна была применяться как к «фантомам» (духам, принявшим видимую форму), так и к независимым существовавшим созданиям. Ее приложение (во всех эльфийских наречиях) к существам, зовущимся «орки» [...], относится к более поздним временам”* (HoME-10, Part Five, IX).

Более детально история развития этого протонима изложена в другом тексте. Задолго до первых контактов с орками, вскоре после пробуждения эльфов у Куйвиэнэн у их жилищ стали появляться страшные призраки. *“Для обозначения этих призраков и внушаемого ими ужаса в древнем языке эльфов [...] использовался элемент *RUKU. Во всех языках эльдар, а также в аварине, имеется много слов, производных от этого корня, имеющего такие древние формы как: ruk-, rauk-, uruk-, urk(u), runk-, rukut/s, а также усиленный корень gruk- и усложненный*





*guriuk-, nguriuk. Уже в первобытном языке квэндри это слово должно было образовать ту же форму, что имеется в общем эльдарине – *rauki или *rauko. Она применялась к более крупным и к более ужасным враждебным призракам. Но в древности также существовала форма uruk, urku/o, и прилагательное urka «ужасный». В квэнья мы встречаем существительное urko, мн. ч. urqui, происходящее, как показывает форма множественного числа, от *urku или *uruku. В синдарине найдено соответствующее слово urig, но часто используется форма orch, которая должна происходить от *urko или прилагательного *urka.*

Разумеется, в книгах знаний Благословенного Королевства, квэнийское слово *urko* встречается редко, за исключением повествований о днях древности и о Великом Походе, и к тому же существует неопределенность в его значении, описывающем все, что вызывало у эльфов ужас, любой неясный призрак или тень, или любое крадущееся существо. В синдарине слово *urig* использовалось сходным образом. На самом деле его можно перевести как «привидение». Но при этом форма *orch*, по-видимому, стала применяться и для обозначения орков, как только те появились; и слово *Orch*, мн. ч. *Yrch*, мн. общ. ч. *Orchoth* впоследствии осталось в синдарине в качестве обычного наименования этих созданий. Родство, хотя и не полная эквивалентность, синдаринского слова *orch* квэнийскому *urko*, *urqui* является признанным, и в квэнье Изгнанников слово *urko* широко использовалось для перевода синдаринского *orch*, хотя также часто можно встретить форму, демонстрирующую влияние синдарина: *orko*, мн. ч. *orkor* и *orqui*” (HoME-11, Part Four). Впрочем, имеется еще одна квэнийская форма *Orco*, мн. ч. *Orqi* (HoME-05, Part Three).

В других эльфийских языках также бытовали, в основном, родственные этнонимы. Так, в наиболее раннем (по времени разработки) варианте квэнья существовало слово *Ork*, *Orq-*, ж. р. *Orqin/Orqindi* (Qenya Lexicon), в голдогине – *Orc*, мн. ч. *Orcin*, мн. общ. ч. *Orchoth* (HoME-01, Appendix), в гномском языке (язык гномов-нолдоли) – *Orch*, мн. ч. *Eirch*, *Erch* (HoME-05, Appendix II) или *Orclim* (HoME-02, Appendix), в древнем нолдорине – *Orko*, мн. ч. *Orkui*, в нолдорине – *Orch*, мн. ч. *Yrch* (HoME-05, Part Three), в дориагине – *Urch*, мн. ч. *Urchin*, в данианском эльфийском языке – *Urc*, мн. ч. *Yrc* (HoME-05, Part Three).

Но в отдельных случаях употреблялись слова иного происхождения. Например, “древненолдоринское слово *ndoko* и нолдоринское *daug*, происходящие от слова **ndako* (воин, солдат), использовались для обозначения орков, также называемых «Болдог»” (HoME-05, Part Three), а в языке нолдоли орки обозначались словом «гонг» (*Gong*) (HoME-01, Appendix).

Помимо прямых этнонимов “эльдар имели множество иных наименований орков, но большая часть из них являлась «кеннингами», описательными, изредка употребляемыми терминами. Тем не менее, один из них часто использовался в синдарине: в *Анналах* в качестве основного наименования орков как расы чаще встречается слово *Glamhoth*, а не *Orchoth*. *Glam* означает «шум, гам, беспорядочные крики и звериный рев», таким образом, слово *Glamhoth* первоначально означало что-то вроде «оружая толпа» и было связано с ужасным шумом, производимым орками во время битвы или погони, хотя при необходимости те могли передвигаться достаточно скрытно. Но слово *Glamhoth* стало настолько прочно связано с орками, что само по себе слово *Glam* может быть использовано по отношению к группе орков, из него образована форма единственного числа – *glamog*. (Ср. с наименованием меча *Glamdring*.)” (HoME-11, Part Four). В голдогине и нолдорине орков также называли словом «гламхот», но его буквальное значение было иным: в нолдорине – «варварское войско» (HoME-05, Part Three), а в голдогине – «народ страшной ненависти» (HoME-02, III), в наиболее раннем (по времени разработки) варианте квэнья полным эквивалентом этого слова было «санкосси» (*Sankossi*) (HoME-02, Appendix). В валинорском диалекте квэнья существовал термин «мэлькорохини» (*Melkorohini*) – дети Мэлькора (HoME-10, Part Five, X).

Эльфийские языки оказывали значительное, а в некоторых случаях даже определяющее





влияние на языки иных народов Средиземья, поэтому этнонимы, обозначающие орков, получили дальнейшее развитие и в них: *“эти наименования, происходящие разными путями из эльфийских языков, из квэньи, синдарина, нолдорины и, без сомнения, диалектов аварина, распространились очень широко и, по-видимому, послужили источником наименований орков в большинстве языков Древних Дней и ранних эпох, от которых сохранились некоторые записи”* (HoME-11, Part Four). Так, *“у дварфов для орков существовало наименование Rukhs, мн. ч. Rakhas, очевидно родственное по отношению к эльфийским наименованиям, и, возможно, [...] происходящее из аварина”* (там же).



В языках людей Запада наблюдается аналогичная ситуация: *“форма этого слова в адунаике urki, urkhi может происходить непосредственно из квэньи или синдарина; и эта форма лежит в основе слов, обозначающих орков, в языках людей северо-запада во Вторую и Третью эпохи”* (там же), иной вариант адунаикского написания: *uruk*, дв. ч. *urkat*, мн. ч. *urik* (HoME-09, Part Three). В вестроне и языке рохиррим это слово несколько изменилось и приобрело форму *Orc* (LotR, Appendix F). В языке друэдайн Третьей эпохи *“было зафиксировано слово gorgui, обозначающее орка (возможно, во мн. ч.?)”* (HoME-11, Part Four), отмечается, что *“вероятно, оно происходит непосредственно от эльфийских слов”* (там же; см. также LotR, Book Five, 5).

Более того, даже сами орки заимствовали это слово *“из-за того, что оно было связано с ужасом и отвращением, что им очень нравилось”* (там же). Даже Саурон, составляя Черную Речь, включил в нее слово *uruk*, мн. общ. ч. *Uruk-hai*, вероятно, заимствованное им *“из эльфийских языков ранних времен. Однако, оно было специально предназначено для обозначения обученных и дисциплинированных орков из мордорских войск. Представители более низкорослых племен, по-видимому, назывались словом «снага» (snaga)”* (там же; см. о том же LotR, Appendix F).

И только в языке энтов орки назывались словом «бурарум» *burbrum* (LotR, Book Three, 4), возможно, имеющим автономное происхождение, не смотря на то, что энты научились речи у эльфов.

Внешний облик. Эмоциональная составляющая в описаниях орков обычно достаточно велика, потому что объективный взгляд на вопрос о внешности представителей этого народа приходится основывать на косвенных данных. Несомненно, что орки были антропоморфными существами, также несомненно, что они отличались от своих родичей эльфов. Однако эти отличия были не столь ярко выраженными, как это принято изображать на иллюстрациях и в экранизациях. Об этом бесспорно свидетельствуют описания контактов между представителями различных народов. Например, когда синдар впервые встретили в Бэлэриане орков, они считали, что это авари, одичавшие в глуши (Silmarillion, Quenta Silmarillion, 10), хотя о существовании иных антропоморфных разумных народов – дварфов – им было известно. Люди, по свидетельству Ильвэрина, тоже *“путали нолдоли с орками”* (HoME-02, III). Фангорн, встретив Мериадока и Перегринна в своем лесу, сперва принял их за орков маленького роста (LotR, Book Three, 4), а орки не могли отличить Фродо и Сэмвайза от своих малорослых сородичей (LotR, Book Six, 2). Этого бы не произошло, если бы орки походили на тех чудовищ, что изображают художники.

Многочисленные свидетельства описывают орков как *“создания приземистого и некрасивого сложения, со злыми лицами”* (HoME-02, II). Тем не менее, их одежда, хоть и не вполне, но годилась для эльфов и не мешала им передвигаться. Об этом можно судить по истории





отряда Финрода, воинам которого для того, чтобы замаскироваться под орков, пришлось облачиться в одежду убитых орков: *“И эльфам было нелегко/ Лохмотья Ангбанда надеть”* (HoME-03, III). Кожа орков, вероятно, была несколько иного оттенка, нежели у эльфов и людей, *“их лица подлы и темны”* (там же), воинам Финрода в той же сцене пришлось натереть краской кисти рук и лица, кроме того они срезали волосы орков и закрепили их под своими шлемами. Финрод заканчивает преобразовать внешность эльфов и Бэрэна с помощью магии: *“Вот лезут острые клыки/ И уши длинные торчат”* (там же). Ушные раковины орков имели волосистой покров (LotR, Book Three, 3). Цвет глаз, по крайней мере у некоторых орков, был несколько необычен: *“были там отродья орков с желто-зелеными, как у кошек, глазами, пронцавшими любой мрак, и туман, и ночной сумрак”* (HoME-02, III). В своих письмах Толкин уточняет описание их внешности: *“орки кряжистые, приземистые, желтокожие, с приплюснутыми носами, широкими ртами и узкими глазами. В них видишь доведенные до предела, наиболее низкие и отвратные черты самой неприятной (для европейцев) разновидности монголоидного типа”* (Letters, №210).

Рост орков был невелик, те из них, что могли сравняться с человеком, считались громадными. Крупные орки назывались уруками или урук-хай. Они были смуглыми, косоглазыми, большерукими, с крепкими, мускулистыми ногами. Тех орков, что поменьше, уруки презрительно называли «снага», что означало «раб». Одежда таких небольших орков вполне подходила хоббитам и не мешала им передвигаться (LotR, Book Six, 1).

Одежда. Орки вечно ходили *“грязными и чумазыми”* (Hobbit, 4), носили рубахи, длинные ворсистые штаны из шкур животных, кожаные куртки (LotR, Book Six, 1), кольчуги, пояса, черные плащи и тяжелые, подбитые гвоздями сапоги (LotR, Book Three, 2). Для быстрого и бесшумного передвижения по пещерам они надевали специальную мягкую обувь (Hobbit, 4). В бою их головы защищали железные либо кожаные шлемы *“с железным обручем и клювообразным железным козырьком”* (LotR, Book Six, 1). Орки мордорских войск были одеты *“с головы до ног в черную железную чешую”* (LotR, Book Two, 5) или *“в черные, как сама ночь, доспехи”* (LotR, Book Four, 8), из-за чего их называли *“черными урук-хай”* (LotR, Book Two, 5).

Вооружение. Оружием оркам служили вороненные изогнутые мечи, длинные тяжелые копья (LotR, Book Two, 5), топоры (Hobbit, 4), зазубренные кинжалы (LotR, Book Six, 1), луки из рога (HoME-02, II) и стрелы с черным оперением (LotR, Book Three, 1), кожаные щиты (LotR, Book Two, 5). Лезвия своих клинков орки иногда смазывали ядом (LotR, Book Two, 6).

Урук-хай Сарумана были вооружены короткими мечами с широкими клинками, тисовыми луками, которые по форме и длине не отличались от луков людей.

Для координации действий войска орки использовали звук барабана, рога и рожков (LotR, Book Two, 5).

При осаде городов и крепостей орки применяли огромные камнеметные машины, тараны, лестницы, веревки с крючьями и горючие материалы.

Оружие орков было достаточно высокого качества, в некоторых случаях им пользовались их противники, даже эльфы. Например, Лэголас запасался стрелами орков, когда его собственные закончились (LotR, Book Three, 1), а Маблунг Тяжелорукий, выбирая оружие для охоты на Каркараса (Кархарота), взял трофейное оружие тяжелое копье (HoME-02, I). Доспехи орков были также хороши – Бэлэг, направляясь на поиски Турина, просит у Тингола особый меч, ибо обычный не брал оркских доспехов (Silmarillion,





Quenta Silmarillion, 21).

Жилье. Жили орки преимущественно под горами. Возможно, вследствие того, что боялись солнечного света, от которого *“у них подгибаются ноги и кружится голова”* (Hobbit, 5). Поселяясь в незанятых или в отбитых у врага пещерах, орки быстро приспосабливали их для своих нужд: устраивали хитро замаскированные двери, расширяли старые и прорубали новые тоннели, причем делали это *“не хуже самых искусных dwarфов”* (Hobbit, 4). Некоторые тоннели были *“низкими и грубо вырубленными”* (Hobbit, 5), но орки легко передвигались в них: *“даже крупные гоблины, то бишь орки, бегают по таким туннелям с неимоверной быстротой; просто на бегу они сильно наклоняются вперед, так что почти касаются руками земли”* (там же). Часто используемые пещеры освещались факелами, жилые – отапливались кострами (там же).

Большие орочьи пещеры представляли собой целые подгорные города и крепости, например, Мория или Гундабад, столица гоблинов Хитаэглир в конце Третьей эпохи.

Питание. Пища орков не отличалась особым разнообразием и высоким качеством. Они ели хлеб, мясо животных – конину, ослатину (Hobbit, 4), – которое варили, а также вялили для длительного хранения (LotR, Book Three, 3). При случае орки поедали пленников – эльфов или людей, и это блюдо ценилось высоко (там же). Гоблины Хитаэглир разнообразили свое меню рыбой, которую ловили в подземном озере (Hobbit, 5). Канныализм среди орков был известен, но не поощрялся и считался постыдным (LotR, Book Three, 3). Лэмбас, изготовленные эльфами, орки не любили, не выносили даже их вида и запаха (LotR, Book Six, 1). Жажду орки утоляли водой, которую запасали в специальных бочках (Hobbit, 5).

Когда у орков заканчивалась пища, они *“совершали набеги на окрестные поселения”* людей (Hobbit, 6) и грабили их.

Обычай. Орки были очень выносливыми, бегали *“по-орочьи, длинными скачками”* (LotR, Book Three, 3) и *“куда быстрее dwarфов”* (Hobbit, 4), *“по деревьям лазали вполне сносно”* (LotR, Book Two, 6), обладали тонким нюхом *“как у гончих собак”* (там же) и острым зрением, особенно орки Хитаэглир (LotR, Book Three, 3).

Орки были *“хитры, злы и жестоки”* (Hobbit, 4), практиковали пытки пленников ради забавы и надругательства над трупами врагов, однако они знали, что значит товарищество и долг. За смерть своих вождей они мстили беспощадно и упорно преследовали обидчиков даже далеко за пределами пещер, хотя обычно тянули *“с погоней до глубоких сумерек”* (LotR, Book Two, 6) и не ходили *“далеко от своих убежищ – разве когда их выгонят оттуда и им приходится искать новое пристанище либо если идут воевать”* (Hobbit, 6).

Такая тяга к соседству была обусловлена, по-видимому, прежде всего их чувствительностью к солнечному свету. Даже при угрозе их жизни орки Хитаэглир прямо заявляют: *“мы не можем бежать после восхода”* (LotR, Book Three, 3), и *“даже зимнее солнце [...] было для них чересчур жарким”* (там же).

Орки Мордора были менее чувствительными, а урук-хай из Айзенгарда, в чьих жилах текла и кровь людей, солнца не боялись вовсе: *“все эти орколуды и полугоблины, которых Саруман вывел [...], не дрогнут перед солнцем”* (LotR, Book Three, 7). Сами о себе они говорят так: *“мы – урук-хай, мы солнца не боимся. Мы воюем когда хотим: днем и ночью, в штиль и в бурю”* (там же). Но в то же время урук-хай видели в темноте хуже орков Хитаэглир. Лунного же света орки не боялись.

Оркам было известно лекарское искусство, и хотя применяемые ими снадобья не были столь же благотворными, как эльфийские, их эффективность была высока. Во всяком случае, из





текстов нам известен обезболивающий, бодрящий напиток (“огненное зелье”) и мазь, обладающая ранозаживляющим действием (LotR, Book Three, 3).

Орки издавна, еще с Первой эпохи, водили дружбу с волками и часто ездили на них верхом – в бою или во время погони за врагами. А о содружестве орков с варгами в Третью эпоху даже существовала пословица: *“там, где слышен варгов вой, орки шастают ордой”* (LotR, Book Two, 4). Также им помогали и иные животные, например, летучие мыши.

Языки. Будучи древним и вполне самостоятельным народом, орки имели развитую культуру, они *“владели речью и имели некоторые ремесла и организацию, или, по крайней мере, могли учиться этому у более развитых созданий или у своего Владыки”* (HoME-10, Part Five, X). За свою длительную историю орки несколько раз меняли язык общения. По-видимому, после того как этот народ окончательно оформился, они говорили на орквийском языке, или на орквине (Orquin). Этот язык *“возник из языка валар, поскольку происходил от валы Моргота. Но речь, которой он научил их, он намеренно извратил и обратил ко злу, как он делал со всеми вещами, и язык орков был скверен и отвратителен, и совершенно не походил на языки квэнди”* (HoME-05, Part Two, V). Но уже в Первую эпоху орки, по-видимому, постепенно перенимают синдарин и активно употребляют его при общении с врагами и даже, вероятно, между собой, о чем можно судить по косвенным признакам, например, по общению Финрода и Бэрэна, принявших обличье орков, с Сауроном (HoME-03, III).

После Войны Гнева, во Вторую эпоху, у разобщенных племен орков появилось множество самостоятельных диалектов, разнящихся настолько, что они с трудом понимали друг друга. При этом они многое перенимали из языков других народов, *“переиначив чужую речь на свой лад и применительно к своим нравам”* (LotR, Appendix F). Поэтому Саурон, пытавшийся объединить их, был вынужден создать единый язык, который мог бы употребляться *“в качестве lingua franca для его подданных”* (HoME-05, Part Three). Этот язык получил наименование «Черная Речь», однако преуспеть в своем начинании Саурону удалось лишь частично, поскольку после первого его поражения в конце Второй эпохи *“язык этот в древнем своем варианте был позабыт и не использовался никем, кроме назгул”* (LotR, Appendix F). Тем не менее, в Третью эпоху многие слова из Черной Речи, особенно брань и проклятия, *“которых было у орков превеликое изобилие”* (там же) продолжали свое существование во многих орочьих диалектах. В чистом виде Черная Речь на некоторое время возродилась после возвращения Саурана (там же), но *“использовалась только в Мордоре”* (Letters, №144) и звучала лишь *“в Барад-Дуре и в устах мордорских военачальников”* (LotR, Appendix F). Большинство же орков в Третью эпоху использовали свои собственные диалекты, а при межплеменном общении переходили на вестрон. А северные племена и орки Хитаэглир даже считали вестрон своим родным языком, хотя употребляли его в несколько измененном виде (там же).

При переводе Алой Книги на английский язык речь орков передана как огрубленный английский новояз. Тембр голоса орков был неприятен: *“голоса их и хохот походили на лязг металла о камень”* (HoME-02, II). Орки *“лепили слова как придется, не заботясь ни о самих словах, ни о том, что они обозначают; в действительности их язык звучал еще грязнее и отвратительнее, чем это показывает перевод [...] подобных речей можно и сегодня вдоволь насладиться от тех, у кого орочья душа и разум; их болтовня, как правило, скучна, основана на постоянном повторении одного и того же и круто замешана на презрении и ненависти. Так далеки они от всего хоть мало-мальски доброго, что даже просто меткого или острого словца в их речи не сыщешь, – разве что для слуха тех, кто иных слов, кроме особо грязных и убогих, не воспринимает”* (LotR, Appendix F).

(окончание следует)





(окончание)

Восстановление исходных начальных сочетаний

В Приложении Е к “ВК” Толкин замечает, что “сочетания *nd, mb, ng* находили особое предпочтение в языках эльдар на раннем этапе”. В начале слов эти сочетания были в синдарине упрощены до **d, b, g**: **ndise* > **dīs** – “невеста”, **mbundu* > **bund** – “нос”, **ngolodō* > **Golodh** – “нолдо”. Тем не менее, назальный звук этих сочетаний восстанавливается (или никогда не был утерян) после артиклей единственного числа **i** и генетивного **e** (англ. “of the”), так что “(определенная) невеста, (определенный) нос, (определенный) нолдо” будут, предположительно, **i ndīs, i mbund, i Ngolodh**. Встречающийся пример это **gaurhoth* – “воинство волколаков” > **i ngaurhoth** – “(определенное) воинство волколаков” в огненном заклинании Гандальфа (нормальная форма **gaur** – “волколак” упоминается в Приложении к “Сильмариллиону”).

ПРИМЕЧАНИЕ: этот феномен не следует путать с тем, что начальные сочетания **nd, mb, ng** появляются, когда **n** присоединяется к следующим за ним **d, b, g**, когда “(определенные) носы” будет, предположительно, **i mbynd* (вместо **in bynd**). Если бы **bund** происходило от ***bundu*, а не **mbundu*, “(определенные) носы” было бы все равно **i mbynd**, но в единственном числе “(определенный) нос” было бы ***i vund* с нормальной леницией **v** в **v**.

Вот наиболее известные слова, в которых присутствует этот феномен. Я принял, что глагол, следующий за **i**, когда оно используется в качестве релятивного местоимения (“который”) ведут себя так же, как и существительные, следующие за **i**, использующимся в качестве определенного артикля (англ. “the”).

1: **B** > **MB**

Связанные с торговлей слова, происходящие от примитивно-эльфийского корня МВАКН:

bachor – “коробейник” > **i mbachor** – “(определенный) коробейник”

bach – “предмет обмена” > **i mbach** – “(определенный) предмет обмена”

Пара слов, связанных с судьбой, от МВАРАТ:

barad – “обреченный” > **i mbarad** – “(определенный) обреченный”

bartho- – “обрекать” > **i mbartha** – “(определенный) [тот, кто] обрекает”

Пара слов, связанных с хлебом, от МВАС:





bast – “хлеб”, **i mbast** – “(определенный) хлеб”

basgorn – “каравай”, **i mbasgorn** – “(определенный) каравай”

Группа слов, связанных с заключением, от MBAD и MBAW:

bann (band) – “заключение, тюрьма” > **i mbann (i mband)** “(определенная) тюрьма”

baug – “тиранический, жестокий, подавляющий” > **i mbaug** – “(определенный)

тиранический (некто)”

bauglo – “подавлять” > **i mbaugla** – “(определенный) тот, кто подавляет”

bauglir – “тиран, подавитель” > **i mbauglir** – “(определенный) тиран”

baur – “нужда” > **i mbaur** – “(определенная) нужда”

Группа слов, связанных с праздником, от MBER:

bereth – “пир, празднество” > **i mbereth** – “(определенный) пир” (но **mereth** > **i vereth**

или просто **i mereth** может встречаться чаще, ср. *Mereth Aderthad*, а не **Bereth Aderthad*, в “Сильмарилионе”)

beren – “праздничный, веселый, радостный” > **i mberen** – “(определенный) праздничный [некто]” (в отличие от омофонического **beren** – “отважный” > **i veren** – “(определенный) отважный [некто]”)

Разное:

bar – “дом (родной), страна” > **i mbar** – “(определенный) дом” (корень MBAR, но это слово не приводится в “Этимологиях”)

both – “лужа, небольшой водоем” > **i mboth** – “(определенная) лужа” (MBOTh)

bunn (bund) “морда, нос, мыс” > **i mbunn (i mbund)** “(определенная) морда” (MBUD)

2: *D* > *ND*

Группа слов, связанных с убийством, от NDAK:

daen – “труп”, **i ndaen** – “(определенный) труп”

dangen – “убитый”, **i ndangen** – “(определенный) убитый (некто)”

dagor (более древнее **dagr**) – “битва” > **i ndagor (i ndagr)** – “(определенная) битва”

daug – “(орочий) воин” > **i ndaug** – “(определенный) воин”

Группа слов, связанных с молотом, от NDAM:

dam – “молот” > **i ndam** – “(определенный) молот”

damna – “молотить” (читать **damma?*) > **i ndamna (*i ndamma)** – “(определенный) тот, кто молотит”

Пара слов, связанных с головой, от NDOL:

dôl – “голова” > **i ndôl** – “(определенная) голова”

dolt – “круглая выпуклость, шишка” > **i ndolt** – “(определенная) круглая выпуклость”.

И разное:

dûn – “запад” > **i ndûn** – “(определенный) запад”

Dân – “эльф-нандо” > **i Ndân** – “(определенный) эльф-нандо” (NDAN)

doer – “жених” > **i ndoer** – “(определенный) жених” (NDER)

dess – “молодая женщина” > **i ndess** – “(определенная) молодая женщина” (NDIS)

dor – “страна” > **i ndor** – “(определенная) страна” (NDOR)

dortho – “оставаться” > **i ndortha** – “(определенный) тот, кто остается” (NDOR)

doll – “темный” > **i ndoll** – “(определенный) темный”

3: *G* > *NG*

Пара слов, связанных с арфой, от ÑGAN:

gandel, gannel – “арфа” > **i ngandel, i ngannel** – “(определенная) арфа”

ganno – “играть на арфе” > **i nganna** – “(определенный) тот, кто играет на арфе”

Группа слов, связанных с волком, от ÑGAR(A)M и ÑGAW:

garaf – “волк” > **i ngaraf** – “(определенный) волк”





gaur – “волколак” > **i ngaur** – “(определенный) волколак” (ср. **i ngaurhoth** в одном из огненных заклинаний Гандальфа).

gawad – “вой” > **i ngawad** – “(определенный) вой”

Группа слов, связанных с мудростью, от **ŃGOL**:

golw – “наука” > **i ngolw** – “(определенная) наука”

golwen – “мудрый” > **i ngolwen** – “(определенный) мудрый (некто)”

goll – “мудрый” > **i ngoll** – “(определенный) мудрый (некто)”

gollor – “маг” > **i ngollor** – “(определенный) маг”

Golodh – “нолдо”, **i Ngolodh** – “(определенный) нолдо”

gûl – “магия” > **i ngûl** – “(определенная) магия”

Golovir – “Сильмариль, нолдорский драгоценный камень” > **i Ngolovir** – “(определенный) Сильмариль”

и, наконец, слово, означающее “смерть”:

gûr – “смерть” > **i ngûr** – “(определенная) смерть” (также **guruth**, **i nguruth**) (**NGUR**)

Если генитивный артикль **en** – англ. “of the” имеет альтернативную форму **e**, мы должны признать, что **e-mbar** – “об (определенном) доме” (**UT:54**, **MR:373**) является примером восстанавливающегося исходного **mb**, а не **n** из слова **en**, присоединяющегося к **b** слова **bar** – “дом (родной)”.



рилагательное

Типичные окончания прилагательных таковы: **-eb**, **-en** и **-ui**: **aglareb** – “славный” (< **aglar** – “слава, великолепие”), **brassen** – “раскаленный добела” (< **brass** – “белое каление, жар”), **uanui** – “ужасный, чудовищный” (< **uan** – “монстр, чудовище”) (**AKLA-R**, **BAN**, **BARAS**). Однако многие прилагательные не имеют специальных окончаний, и словоформы как таковые могут относиться более чем к одной части речи. **Morn** – “темный” может так же быть и существительным “тьма”.

Прилагательные согласуются со своими существительными в числе. Кажется, что они образуют формы мн. ч. по тем же правилам, что и существительные. Например, **malen** – “желтый”, мн. ч. **melin** (**SMAL**). Заметим, что начальный согласный прилагательного, следующего за описываемым существительным, ленирован (см. выше).

В **PM:358**, **Aran Einior** переведено как “Старейший король”. **Einior** – наш единственный пример сравнительной степени прилагательного; начальная его форма – **iaur** (встречается в названии **Iant Iaur** – “старый мост”). Префикс **ein** кажется родственным квэнийскому префиксу превосходной степени **an-**. Префикс может иметь форму **ein-** не при любом прилагательном; представляется, что он умялотируется следующим за ним **i**.

Возможно, мы имеем также превосходную степень слова **iaur** – “старый”; во время Совета Эльронда синдаринское имя Тома Бомбадила было названо в форме **Iarwain**, что означало “Старейший”. Окончание **-wain** может показаться суффиксом превосходной формы. Почему не ***Iorwain**, с нормальной монофтонгизацией **au** > **o**? (Дэвид Сэло отвечает: “Потому что вы ищите прямую производную от формы вроде ***Yarwanya**





(возможно, я не уверен в форме последнего элемента) в которой эта гласная была в закрытом слоге”. Я не чувствую себя намного умнее, но я не вдавался в эльдаринскую фонологию столь глубоко, сколь Дэвид).



ричастия и деепричастия

Название **Talath Dirnen** “Охраняемая равнина” дает нам пример причастия ***tirnen** “охраняемый”, ленированного в **dirnen** по тем же правилам, что и любое прилагательное, следующее за существительным. Корень этого причастия – **tir-** “смотреть, наблюдать, сторожить” (ср. **Minas Tirith** – “Башня Наблюдения, Сторожевая башня”), так что окончание, соответствующее английскому окончанию пассивного залога **-ed** возможно, выглядит как **-nen**. Более полная его форма – **annen** появляется в **mae govannen** – “добровстреченный” (Letters:308). Согласно LR:388, корень **SUK**, причастие прошедшего времени от **sogo** – “пить” – **sogannen**; это может быть ошибкой в написании – вместо ***sogannen**. Ср. **prestannen** – “подвергнутый воздействию” как причастие от **presto** – “действовать, влиять” (LR:380, корень **PERES**). Так же в “Этимологиях” представлено несколько причастий прош. вр. на **-en**: **dannen** – “павший”, **dolen** – “скрытый, спрятанный” (DAT, DUL в LR:354-355).

Представляется, что действительные причастия (они же – причастия настоящего времени) имеют различные варианты окончаний, соответствующих английскому **-ing**. Одно из них – **-i**, встречающееся в **chwinio** “кружащийся” от **chwinio** – “кружиться” (LR:388, корень **SWIN**). Так же есть окончание **-iel** в ***tiriel** – “взирающий” (ленированное в **diriel** в **palan-diriel** “далеко взирающая”, RGEO:72). Согласно Толкину, **palan-diriel** с долгой корневой гласной (**i**) это переводится как “взглянув вдаль” (англ. “having gazed far away”), в то время как **palan-diriel** с краткой гласной значит “взирающий вдаль” (англ. “gazing far away”): перфект/наст. вр. (RGEO:73).



лаголы

Глагольная система синдарина не вполне понятна – совсем не понятна. Можно сделать некоторые общие наблюдения.

Чтобы начать с чего-нибудь простого, *повелительное наклонение* имеет окончание **-o**. Есть много примеров тому; ср., в частности, надпись на Вратах Мории (**pedo mellon a minno**, “скажи





друг и войди”) или боевой клич эдайн севера: *Lacho calad! Drengo morn!* – “Пламеней, Свет! Беги, Ночь!” (UT:65).

Настоящее время имеет в некоторых существующих примерах окончание **-a**, например, в **penna** – “склоняется” в гимне *A Elbereth Gilthoniel*, или **thia** – “оно представляется” в LR:392 (очевидно, настоящее время глагола **thio**, внесенного в глоссарий со значением “казаться”). Ср. также **guinar** в качестве множественной формы настоящего времени от **cuino** – “быть живым” в статье KUY в LR:366 (лениция **c > g** случайна и к делу не относится). Но **tûl** – “идет, грядет” в восклицании Хурина **tûl acarn** – “возмездие грядет” (WJ:301) окончания не имеет. Словом **tûl** Толкин заменил **tôl**, а последняя форма появляется в “Этимологиях” (корень TUL), где записано в значении “он идет” – иными словами, является формой единственного числа 3-го лица. В “Этимологиях” записано еще две формы настоящего времени этого типа, **sôg** – “*”пьет” и **tôg** – “*”приносит”, от корней SUK, TUK. Согласно с поправкой Толкина **tôl** на **tûl**, эти формы несомненно должны перейти в ***sûg**, ***tûg** в настоящем синдарине.

Один-единственный наш пример *перфекта* содержит окончание **-i**: **û-chebin estel anim**, “Я не сохранила надежды для себя” (из “Линнода” Гильраэн; окончание **-n** значит “я”).

Когда мы занимаемся инфинитивом, ситуация ясна немногим более. В Письме Короля встречаются несколько инфинитивов на **-ad**: **tîrad** – “видеть”, **suilannad** – “приветствовать”. Последнее слово кажется связанным со словом “давать” (букв. “*”давать приветствие”?), но в LR:348 мы встречаем **anno** – “давать” с инфинитивом на **-o**. Формы на **-o** из “Этимологий” в самом деле являются инфинитивами; мы уже отмечали **thio** “казаться” с формой настоящего времени ***thia** – “представляется, *кажется” и [c]**uinar** как настоящее время со множественным окончанием **-r** от **cuino** – “быть живым”, KUY). Доказывает ли это, что Толкин изменил “нолдоринское” окончание инфинитива **-o** на **-ad** в исконном синдарине (**anno > annad**)? В “Этимологиях” также встречается другое инфинитивное окончание **-i**, родственное квэнийскому **-ie**. В статье TIR “смотреть, сторожить”, **tîri** (или **tîrio**) дается как инфинитив этого глагола, но в Письме Короля мы встречаем, однако же, **tîrad** вместо того. Это может служить доказательством теории, что Толкин пересмотрел глагольную систему и отдал предпочтение окончанию **-ad** как образователю инфинитива. В более ранних работах **-ad** появляется как окончание отглагольных существительных, а от отглагольного существительного до инфинитива не так уж далеко. (Мы можем теоретизировать, что это изменение имело место внутри мифологии, **-o** и **-i** были предпочитавшимися инфинитивными окончаниями, скажем, в Первую Эпоху, но позднее им на смену пришло **-ad**).

Прошедшее время довольно часто имеет окончание **-ant**. В LR:391 мы находим **teitho** – “писать” (опять инфинитив на **-o**), а надпись на Вратах Моррии дает нам прошедшее время **teithant** – “написал”. Прошедшее время глагола **tîri**, **tîrio** – “смотреть” (> **tîrad**) дается в Etym как **tîriant** (LR:394, корень TIR), а прошедшее время от **ortho** – “поднимать” будет given as **orthant** (LR:379, ORO). Эта схема, возможно, может быть применена для всех глаголов на **-o** и **-io** в Etym (хотя **damna** – “бить молотом”, возможно, неправильное прочтение ***damma**-, имеет прошедшее время **dammint** вместо ***dammant** – LR:375, корень NDAM). Есть также несколько прошедших времен, созданных *назальной инфиксией*. Прошедшее время от **sogo** – “пить” дается как **sunc**, что сформировано непосредственно от корня SUK (ср. квэнийское ***suncë**, не встречается). Обратите внимание на то, что инфиксия **n** происходит *прежде*, чем **c** становится **g** вслед за гласной, как в **sogo**, и от какой бы формы не происходило слово **sunc** (возможно, что-нибудь вроде ***suncë**),





утерянная последняя гласная, очевидно, была не такая же, какая заставила **u** умляутировать в **o**, как в **sogo**. Аналогично, слово **arphent** – “и сказал”, как представляется, демонстрирует, что прошедшее время **ped-** – “говорить” будет ***pent** (здесь **-phent** следует за **r**). Ср. квэнийское *quentë* – “сказал” (в той ветви эльдарина, к которой принадлежит синдарин, *qu/kw* превратилось в *p*). И снова инфиксия произошла прежде, чем **T** превратилось в **D** следом за гласной (корень **KWET** > синдаринское **ped-**); **T** слова ***pent**, как и **c** слова **sunc** были “сохранены” вставкой **n**, которое отгородило их от гласной, так что они не стали **d**, **g**. Слово **echant** – “сделал” (букв. “вырезал”, о буквах) в надписи на Вратах Мории это еще один пример прошедшего времени, сформированного назальной инфиксией. Это не есть корень ***ech-** с окончанием прошедшего времени **-ant**, как можно подумать (и как неизбежно думали ранние исследователи). **Echant** это прошедшее время, сформированное назальной инфиксией из примитивного ***et-kat**, “наружу-резать” (***et-kant** > **echant**). Инфинитив дан в LR:363 как **echedi**, с нормальным изменением *t* > *d* следом за гласной (**a** предыдущего звука становится **e**, поскольку умляутируется конечным **i**). Тем не менее, оказывается, что некоторые прошедшие времена, сформированные назальной инфиксией, были заменены более часто встречающимся окончанием прошедшего времени **-ant**. Под корнем **WED** (LR:397) прошедшее время от **gvedi** – “связывать” (следует читать ***gwedhi**?) дано как **gwend**, что сформировано назальной инфиксией прежде, чем **d** стало **dh** следом за гласной (ассимилированная форма **gwenn** также упоминается). Но “позже” прошедшее время стало **gwedhant**, что сформировано из инфинитива с окончанием **-ant**, обсуждавшимся выше. Это – аналогия в действии.

Мы имеем один-единственный пример совершенно иного способа формирования прошедшего времени, а именно **agor** – “сделал”, прошедшее время от ***car-** – “делать” (ср. корень **KAR-**, LR:362). В WJ:415 Толкин замечает “примитивное прошедшее время, помеченное как таковое “приращением” или редупликацией базовой гласной и долгой гласной корня”. Он продолжает: “Прошедшие времена этой формы были обычны для “сильных” или простых синдаринских глаголов, таких, как ***akâra** – “изготовил, сделал” > синдаринское **agor** (WJ:415). Существовало, очевидно, много прошедших времен этого образца; “простые глаголы” это, очевидно, отдельные корни, использующиеся как глагольные основы, вместо того, чтобы происходить от примитивных корней с такими окончаниями, как **-ia** или **-tha**, **-da** (соответствующему квэнийскому *-ya*, *-ta*).

Другая изолированная форма прошедшего времени это **ónen** – “я отдала” в *linnod* Гильгаэн. Окончание **-n** означает “я”; предполагает ли это, что **-e** является здесь окончанием прошедшего времени, или это просто соединительная гласная между глаголом и местоименным окончанием? Является ли **ón(e?)** весьма нерегулярной формой прошедшего времени от **anno**, **annad** – “давать”, вместо ожидаемой формы ***annant**?

Будущее время имеет окончание **-tha**; ср. **anglennatha** – “прибудет” в Письме Короля или **linnathon** – “я буду петь” в гимне *A Elbereth Gilthoniel* (***linnatha** – “буду петь” + окончание **-n** – “я”, что по некоей причине заставляет **a** из предыдущего слога превращаться в **-o**). Не ясно, каким образом **-tha** будет прибавляться к корням, оканчивающимся на согласные.

Представляется, что глаголы согласуются в *числе* (под корнем **SUK**, слово **sôg** названо формой “3 ед.”, что означает, очевидно, “третьего лица единственного числа” и предполагает, что форма третьего лица *множественного* числа чем-то отличается). В относительном предложении фразы **gyrth i chuinar** – “мертвые, которые живут” (Letters:417) глагол, как мы видим, имеет множественное окончание **-r**. Что удивительно, **-r** представляется *страдательным* окончанием в Письме Короля: **Perhael (i sennui Panthael estathar aen)** – букв. “Сэмвайз (койи должен бы быть называем Фуллвайз)”.





Местоимение

Список известных синдаринских местоимений включает следующее:

1-го лица ед. ч. Независимое местоимение **im** – “я”, также окончание **-n**; ср. также **nin**, переведенное как “в мою сторону”, генитивное **nin** – “мой”, также **anim** – “для меня самого” (очевидно, **an** – “для” + **im** – “я”).

2-го лица ед. ч. Окончание **-ch**, если принять, что **agorech** означает *”сделал ты”; ср. также уважительное дательное местоимение **le** – “тебе”, о котором сказано, что оно имеет квэнийское происхождение (RGEO:73).

3-го лица ед. ч. **E** – “он”, генитивное **dîn** – “его”.

1-го лица мн. ч. Окончание **-m** – “мы” (в **avam** – “не будем мы”, WJ:371), также **ammen** – “для нас” или “о нас” (вместо ***an men**; **an** – “для, о”, **men** = “мы”?).
2-го лица мн. ч. не найдено ничего, если только **-ch** не покрывает и единственное, и множественное числа – “ты, вы” (ср. PM:45-46).

3-го лица мн. ч. **hain** – “их”.

Прибавляясь к корню, оканчивающемуся на **-a**, местоименное окончание **-n** – “я”, как представляется, изменяет эту гласную на **-o**; ср. **avam** – “не будем мы” с **avon** – “не буду я” (WJ:371, **ava** = “не буд...”). Ср. также **linnon** – “пою я” и **linnathon** – “петь буду я”; основы, очевидно, **linna** и ***linnatha** – “поет” и “будет петь” (отсюда ***linnam** – “поем мы”, ***linnach** – “поешь ты”?).

Хотя в UT:54 дано отдельное слово “мой” (**nîn**), представляется, что “мой” выражается окончанием **-en** в слове **lammenn** – “язык мой” в восклицании Гандальфа перед Вратами Мории (LotR1/II, гл. 4, переведено в RS:463). Ср. квэнийское окончание **-nya** – “мой”. Но окончание **-en** легко спутать с другими окончаниями; пишущим, возможно, следует использовать **nîn**.

В дополнение к генитивному местоимению **dîn** – “его” в Письме Короля имеется также **în**: король желает приветствовать **mhellyn în phain**, всех своих (его) друзей. Хотя **în**, как и **dîn**, переводится на английский как “his” [на русский – как “его”. – прим. переводчика], представляется, что на самом деле это *возвратное генитивное местоимение*, относящееся к подлежащему предложения. Возможно, в синдарине есть различие, не выражающееся по-английски [зато выражающееся по-русски. – прим. переводчика]. Два предложения, такие, как ***i venn sunc i haw în** и ***i venn sunc i haw dîn** будут оба переводиться на английский как “the man drank his juice”, “человек выпил его сок”, но первое означает “человек выпил его (свой собственный) сок”, тогда как второе – “человек выпил его (чей-то еще) сок” (по-норвежски *mannen drakk saften sin* и *mannen drakk saften hans*, если мне можно сослаться на свой родной язык).

Под корнем **S-** в “Этимологиях” перечислено несколько “нолдоринских” местоимений, но подходят ли они для настоящего синдарина, неизвестно. **Ho, hon, hono** – “он”, **he, hen, hene** – “она”, **ha, hana** – “оно”. Множественные числа даны как **huîn, hîn, hein**, очевидно, означая “они” по отношению к группам мужчин, женщин и неодушевленных предметов соответственно. **Hein**, очевидно, было позднее переименовано на **hain**; ср. надпись на Вратах Мории: **Im Narvi hain echant** – “Я, Нарви, их [= буквы] сделал”.



Morgul 2004



Горлим Злосчастный